

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»

(КГПУ им. В.П.Астафьева)

Институт/факультет Филологический факультет

Выпускающая кафедра мировой литературы и методики ее преподавания

Направление подготовки/специальность 44.04.01 Педагогическое образование

Павина Людмила Валерьевна

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Тема «Творчество Дж. Д. Сэлинджера в англо-американской и русской критике
(материалы к элективному курсу по изучению литературы в старших классах)»

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ:

И.о. заведующий кафедрой

Т.Н. Закаблукова, канд.филол.н., доцент

12 июня 2020

(дата, подпись)

Руководитель магистерской программы

Н.В. Ковтун, профессор, доктор филол.н.

12 июня 2020

(дата, подпись)

Научный руководитель

Н.В. Ковтун, профессор, доктор филол.н.

12 июня 2020

(дата, подпись)

Обучающийся, Павина Л. В.

12 июня 2020

(дата, подпись)

Красноярск, 2020

ПЛАН-ГРАФИК РАБОТЫ НАД МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦИЕЙ

Дата защиты: 22.06.2020

Тема: Творчество Дж. Д. Сэлинджера в англо-американской и русской критике

№	Этапы выполнения	Сроки выполнения	Форма отчетности	Отметка и подпись научного руководителя
1.	Утверждение темы диссертации	30.03.2019	тема	Выполнено <i>ksf</i>
2.	Сбор материала по теоретической части	29.10.2019 – 20.03.2020	конспект	Выполнено <i>ksf</i>
3.	Написание 1 главы	16.10.2019 – 19.12.2019	Рабочий текст 1 главы	Выполнено <i>ksf</i>
4.	Обсуждение 1 главы	03.11.2019	Чистовой текст 1 главы	Выполнено <i>ksf</i>
5.	Практическое исследование	10.11.2019 – 29.11.2019	Научная статья	Выполнено <i>ksf</i>
6.	Написание 2 главы	25.01.2020 – 30.04.2020	Рабочий текст 2 главы	Выполнено <i>ksf</i>
7.	Написание методического приложения	26.04.2020 – 06.05.2020	Разработка урока	Выполнено <i>ksf</i>
8.	Обсуждение 2 главы и методического приложения	07.05.2020	Чистовой текст 2 главы	Выполнено <i>ksf</i>
9.	Предзащита работы	28.05.2020		Выполнено <i>ksf</i>
10.	Оформление чистового варианта работы	30.05.2020 – 10.06.2020	Чистовой текст ВКР	Выполнено <i>ksf</i>
11.	Оформление автореферата	12.06.2020 – 14.06.2020	Текст автореферата	Выполнено <i>ksf</i>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Индивидуальный план НИРС выполнен

Подпись декана факультета _____ *ksf*

Подпись научного руководителя магистранта _____ *ksf*

Подпись заведующего выпускающей кафедры _____ *ksf*

Подпись магистранта _____ *ksf*

РЕФЕРАТ

Магистерская диссертация на тему «Творчество Дж. Д. Сэлинджера в англо-американской и русской критике» содержит 68 страниц текстового документа, 1 приложение (методическая разработка уроков в рамках элективного курса по изучению творчества Дж. Д. Сэлинджера в старших классах) и 63 использованных источника в списке литературы.

Объект магистерского исследования – блоки англо-американской и русской критической литературы, посвященной Дж. Д. Сэлинджеру. Объектами научной рефлексии стали роман «Над пропастью во ржи», сборник «9 рассказов», а также поздние произведения Сэлинджера – повести, которые составляют цикл о Глассах.

Цель исследования – дать сравнительный анализ интерпретации творчества Дж. Д. Сэлинджера в русскоязычном и англо-американском актуальном литературоведении.

Магистерское исследование полностью отражает актуальность исследования; были проанализированы и описаны различные подходы к интерпретации заявленного комплекса текстов Дж. Д. Сэлинджера, проведено сравнение подходов англо-американской и русской критики.

В ходе исследования представлена специфика аналитики выделенных текстов Дж. Д. Сэлинджера с учетом избранного комплекса научной литературы.

Материалы данного магистерского исследования были представлены в рамках VIII Всероссийской научно-методической конференции с международным участием «Человек, семья, общество: история и перспективы развития»; Красноярск, КГПУ им В.П. Астафьева.

По результатам исследований опубликована 2 статья, одна статья принята в печать:

- «Способы авторского присутствия в рассказе Дж. Д. Сэлинджера "Тэдди"». Современная филология: состояние, проблемы, перспективы: материалы VIII Всероссийской научно-методической конференции с

международным участием. Красноярск, 26 ноября 2019 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. Т.А. Полуэктова; ред. кол. – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2019. С. 31-33

- «Формирование коммуникативной компетентности школьников при обучении иностранному языку». Молодежь и наука XXI века/ КГПУ им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2018. С. 38-42

ABSTRACT

The Master`s dissertation «The Works of J. D. Salinger in Anglo-American and Russian Criticism» includes 68 pages, 1 appendix (academic classes design within the elective course on the study of the J. D. Salinger`s works for senior students) and 63 sources used in the list of references.

The object of the master's research is clusters of Anglo-American and Russian scholar studies dedicated to J. D. Salinger. The objects of academic reflection were the novel «The Catcher in the Rye», a collection of «9 Short Stories», as well as Salinger`s later works – novellas about Glasses family.

The aim of our research is to analyze and compare the perception of J. D. Salinger`s work in Russian and Anglo-American contemporary literary criticism.

The Master`s dissertation reflects specified relevance of the study; various approaches to interpretation of the specified works of fiction by J. D. Salinger were studied and listed, and the approaches of Anglo-American and Russian criticism were also compared.

The study presents the specifics of analytics of selected texts by J. D. Salinger taking into account the selected set of academic literature.

The materials of this study were presented during the VIII International scientific and educational forum «Man, family, society: history and prospects of development»; Krasnoyarsk, KSPU named after V. P. Astafiev.

According to the research results, 2 article were published, one article was accepted for publication:

- "Ways of author`s presence in the J. D. Salinger`s short story "Teddy"». Modern philology: state, problems, prospects: materials of the VIII International scientific conference. Krasnoyarsk, KSPU named after V. P. Astafiev. 2019. P. 31-33
- «Students` communicative competence development in the process of learning a foreign language». «Youth and science of the XXI century»; Krasnoyarsk, KSPU named after V. P. Astafiev. 2018. P. 38-42

Содержание

Введение.....	7
1 глава: Творчество Дж. Д. Сэлинджера в англо-американской критике.....	10
1.1. Роман «Над пропастью во ржи» в англо-американской критике.....	10
1.1.1. Роман с точки зрения теории социологии.....	13
1.1.2. Роман с точки зрения мифологической традиции.....	19
1.1.3. Психоаналитическая интерпретация романа.....	25
1.2. Повести и рассказы Дж. Д. Сэлинджера в англо-американской критике...29	
Выводы по 1 главе.....	39
2 глава: Творчество Дж. Д. Сэлинджера в русской критике.....	42
2.1. Роман «Над пропастью во ржи» в отечественной критике.....	48
2.2. Повести и рассказы Дж. Д. Сэлинджера в русской критике.....	55
Выводы по 2 главе.....	63
Заключение.....	66
Список литературы.....	69
Приложение: Разработка элективного курса по изучению творчества Дж. Д. Сэлинджера в старших классах.....	77

Введение

С момента публикации знаменитого романа «The catcher in the rye» интерес к Дж. Д. Сэлинджеру у читательской аудитории не ослабевает. Об этом говорит и неоднозначная реакция критики на роман, и немедленное узнавание, как отмечают многие исследователи, среди широкого круга читателей, и то, как роман повлиял на динамику целого поколения.

Интересно и то, что, несмотря на очевидный оттенок времени, творчество Дж. Д. Сэлинджера до сих пор вызывает эмоциональную реакцию у читателей. Сложно найти человека, у которого не было бы своего мнения об этом авторе. В 2017 году вышел художественный фильм «За пропастью во ржи» о том, как создавался знаменитый роман. В последнее десятилетие копилка литературной критики пополнилась новейшими интерпретациями произведений Сэлинджера.

Многие исследователи и литературные критики считают, что пиком творческой мысли Дж. Д. Сэлинджера стал роман «Над пропастью во ржи»; более поздние произведения автора – повести «Фрэнни и Зуи», «Выше стропила, плотники», «Симор. Знакомство» и т. д. – критики оценивают более прохладно, считая, что при сохранении специфичной поэтики, особенно ярко выраженной в «9 рассказах», автор делает поворот в угоду философствованию.

За основу данной работы мы взяли актуальные исследования последних десяти лет. Однако в связи с тем, что русскоязычным читателям тексты Сэлинджера стали доступны лишь в 60-е годы XX века, блок научной литературы на английском языке предлагает больше точек зрения. Кроме анализа поэтики текстов мы можем найти и развернутый портрет конкретной социальной группы американцев, и перечисление психопатологий героев Сэлинджера.

Актуальность исследования состоит в том, что, анализируя различные подходы, мнения, интерпретации художественного мира писателя, мы расширяем возможности восприятия, нового понимания творчества Дж. Д. Сэлинджера. Данное исследование может быть полезно как специалисту, так и заинтересованному читателю.

Таким образом, перспективность темы, основной стержень которой составил аналитический обзор новейшей исследовательской литературы, посвящённой творчеству Сэлинджера, определена потенциалом ее применения в рамках актуального литературоведения.

Цель исследования: дать сравнительный анализ интерпретации творчества Дж. Д. Сэлинджера в русскоязычном и англо-американском актуальном литературоведении.

В рамках данной диссертации мы ставили перед собой следующие **задачи:**

1. Проанализировать современные научные источники по теме нашей работы.
2. Описать различные подходы к интерпретации произведений Дж. Д. Сэлинджера.
3. Сопоставить подходы англо-американского и русскоязычного актуального литературоведения, занимающегося аналитикой произведений Дж. Д. Сэлинджера.

Методы исследования: сравнительно-исторический, описательный с элементами компаративистского подхода.

Предмет исследования: тексты Дж. Д. Сэлинджера, широко представленные в современной критике

Объект: блоки англо-американской и русской критической литературы, посвященной Дж. Д. Сэлинджеру.

Данная работа состоит из двух глав, введения, заключения и приложения. В первой главе мы анализируем блок актуальных текстов на английском языке. Вторая глава посвящена анализу восприятия Сэлинджера в исследованиях на русском языке. И приложение включает описание потенциальной работы по изучению творчества Дж. Д. Сэлинджера в старших классах. Данная работа является частью более широкого курса по изучению зарубежной литературы в рамках элективного курса.

До сих пор актуальным остается вопрос «Насколько творчество Сэлинджера отражает его реальное отношение к жизни»? До сих пор остается

не до конца ясным его решение изолировать себя и свою семью от общества, а также его одержимость конфиденциальностью. Пытался ли он донести какую-то идею до общественности? Была ли изоляция продуманным ходом для включения собственной жизни в дискурс о его творчестве? Пытался ли Сэлинджер сделать из своей жизни миф, который бы обогатил понимание его произведений?

Так как автор оставил очень немного подтверждений своей личной философии и комментариев по поводу своих творческих поисков, исследователи все еще пытаются определить границы интерпретации его произведений.

В буддизме идея просветления всегда индивидуальна. Процесс постижения осознанности одного человека всегда будет не похож на осознанность другого человека. Сэлинджер так выстраивает свои произведения, чтобы опыт прочтения, опыт интерпретации фиксировался в индивидуальном сознании сам по себе, без навязанных ориентиров, так, что любой результат провозглашается сугубо личным. В данном исследовании мы подходили к анализу научной литературы с этой позиции.

В представленной работе мы постарались привести отдельные особенно выделяющиеся среди проанализированного комплекса литературы интерпретации. Англо-американская и русская критика развивают общие подходы, выводы в отдельных работах пересекаются. При написании работы мы учитывали общие тенденции, но ставили перед собой задачу описать в отдельных главах уникальные подходы.

1 глава: Творчество Дж. Д. Сэлинджера в англо-американской критике

1.1. Роман «Над пропастью во ржи» в англо-американской критике

Объем научной литературы на английском языке по сравнению с комплексом литературы на русском значительно обширнее. Интересно и то, что выделить единую траекторию анализа, которая бы объединяла такое разнообразное число интерпретаций, не представляется возможным. В связи с этим в данной главе мы ставили перед собой задачу привести интерпретации, которые предлагают особую перспективу исследования или обогащают наиболее признанную в научном сообществе традицию.

В ходе анализа научной литературы мы заметили, что англо-американская критика предлагает более тщательное исследование контекста, в котором существует творчество Дж. Д. Сэлинджера. Мы обратили внимание, что англоязычные (в частности, американские) исследователи фокусируются не столько на поэтике текстов, сколько на интерпретации произведений автора с позиции смежных областей наук. В соответствии со степенью разработанности и актуальности мы выделили интерпретации с применением научного аппарата социологии, мифопоэтики и психоанализа.

Некоторые подходы, например, мифопоэтический, предполагают применение определенной базовой структуры повествования, в соответствии с которой можно выстраивать анализ. Миф предполагает фиксированную структуру (конечно, от текста к тексту эта структура может варьироваться). Однако существует традиция, которая описывает повествование Дж. Д. Сэлинджера как идущее вразрез с конвенциональной логикой изложения художественного замысла, задающее новые пути литературности. В рамках данной традиции исследователи отмечают отсутствие стандартной структуры повествования, также как и отсутствие типичной модели рефлекслирующей инстанции – нарратора. Таким образом, одно прочтение потенциально может исключать другое.

В главе мы также приводим анализ поэтики произведений Дж. Д. Сэлинджера, но данный аспект более полно раскрыт во 2 главе «Творчество Дж. Д. Сэлинджера в русской критике».

В англо-американской критике нет единого мнения и насчет фигуры Холдена Колфилда. Перед тем как останавливаться на конкретных подходах к интерпретации произведений Дж. Д. Сэлинджера, мы хотели бы обозначить наиболее распространенную интерпретацию образа Холдена Колфилда, которая не обязательно противоречит обозначенным в данной главе подходам и не несет маркера специфичной интерпретации.

Эта интерпретация базируется на универсально признанной проблематике произведения: теме становления подростка, которая проявляется через: неустойчивость психики персонажей (с этим связывают и стиль повествования Сэлинджера, не вписывающийся в конкретную логическую структуру), поиск идентичности, внутреннее напряжение в связи с необходимостью перехода, поиск путей примирения с действительностью, одиночество и т. д. С этой точки зрения Холдену также не дают однозначной оценки:

1. Холден Колфилд как искренний юноша, который не боится осуждения и которому не так важно принятие окружающих. Такая позиция скорее подразумевает, что Холден совершает действия, которые не вписываются в принятые в обществе стандарты.
2. Холден как циничный подросток, который не стремится к активному действию, выражая свое внутреннее неприятие через критику. В данном случае Холден не претерпевает изменений, сохраняя состояние, обозначенное в начале романа.
3. Многие исследователи отмечают амбивалентную позицию Холдена. Он критикует, но не предлагает альтернативные варианты, он ненавидит лицемерных людей, но сам врет, нуждается в связи с другими людьми, но отвергает их. С одной стороны, это может быть проявлением обозначенной выше проблемы поиска идентичности,

но, с другой стороны, Холден Колфилд становится повествователем, избегающим конкретной позиции.

Данная позиция актуализируется в исследованиях, посвященных влиянию поэтики коана на структуру произведений Сэлинджера. С этой точки зрения, то, как Сэлинджер выстраивает свои произведения, задает определенное настроение прочтения. Большинство исследователей характеризуют темы произведений Дж. Д. Сэлинджера как метафизические. Автор так или иначе – через персонажей или особую организацию повествования – ведет духовные поиски.

1.1.1. Роман с точки зрения теории социологии

Изменения в социальной динамике послевоенного поколения отмечают в своих работах многие исследователи, но существует традиция анализа содержания произведений Дж. Д. Сэлинджера с точки зрения трансформаций, произошедших в структуре общества и общественных отношений, отраженных, в частности, в романе.

Исследователи выделяют следующие черты социального контекста романа:

1. Активное развитие капиталистической системы влечет за собой соответствующие изменения в общественных и межличностных отношениях. Обладание и перераспределение частной собственности меняет отношение к труду, взгляд на признаки успеха, особым образом актуализируется идея «американской мечты». В обществе формируется идея «традиционного американского образа жизни», которая складывается из принципов потребления, материализма, карьеризма (который поощрялся системой). Появляется новая иерархия ценностей, а также образ «типичного успешного американца». В свою очередь бит-поколение, пик активности которого пришелся на 40-60 гг. 20 века, проповедует отличную идею американской мечты: они утверждают, что ее изначальная цель мыслилась как истинное осознание себя так, чтобы прожить жизнь в соответствии со своей аутентичной сутью.
2. Среди европейских ценностей, потерявших авторитет после Второй мировой войны, была и духовная практика христианства (Ковтун 2020). Формальная организация общественных отношений и основные категории христианской философии продолжают существовать в обществе, но теряют смыслообразующий пафос. В тексте романа показано, как божественные категории религии утрачивают смысл: через повсеместное бездумное использование слов и фраз с религиозной коннотацией. Однако остаются

формальные проявления христианской культуры: вертикальная иерархия общества, бинарные оппозиции добра/зла, правильного/неправильного, женственного/маскулинного и т. д.

3. В соответствии с этим, продолжают существовать ценности и принципы патриархальной системы, в которой оппозиция женского и мужского считается неизменной и признается традиционной. Как указывают гендерные исследования, категория гендера не мыслится патриархальной культурой как динамичная структура, а строгое соблюдение оппозиции является базовым, лежащим в основе патриархальной системы.

Все эти проявления культуры предписывают определенные правила, задают строгие рамки функционирования. Традиционно в такой структуре и наличие репрессивных инстанций и мер контроля. С этой точки зрения, культура не позволяет личности развиваться естественно, иметь свободный доступ к уникальным проявлениям своего внутреннего мира. Конечно, человек не существует вне какого-либо контекста. Наша задача – проследить влияние конкретного контекста на содержание романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

Во-первых, семья Холдена является одним из планов выражения этого контекста. Мы знаем, что у Холдена есть оба родителя, оба работают. В материальном плане Холден не испытывает нужду. В тексте нет эксплицитных указателей на особенную материальную обеспеченность семьи Колфилдов, они являются представителями среднего класса.

В современной социологии актуальным становится дискурс привилегий. В соответствии с местом индивида в обществе, с принадлежностью его к определенному классу, а также в зависимости от гендерной принадлежности, цвета кожи, и т. д. определяется наличие привилегий, которые в свою очередь описывают возможности отдельного человека к социальной мобильности. Холден, например, обладает привилегиями по некоторым параметрам.

Вполне осознавая свои привилегии, Холден активно ими пользуется. Критикуя окружающую действительность, он все же не стремится ничего менять – так проявляется амбивалентная позиция персонажа. Он не бунтарь, он не идет против системы.

Холден указывает на то, что его родители очень много работают, так что их практически не бывает дома. Такая ситуация была актуальна для многих детей представителей среднего класса, что привело к увеличению значимости учебных заведений, а также групп сверстников в социализации индивида. Как пишет Кристофер Брукман в статье «Pencey Preppy: Culture Codes in The Catcher in the Rye»: «На протяжении девятнадцатого и двадцатого веков роль семьи неуклонно вытесняется, хотя и не заменяется полностью, целым рядом учреждений, таких как: школа, колледж, компания, государственные учреждения. Эти институты стали местами, где будущие молодые специалисты высших классов общества переживали длительный период обучения и социализации»¹ [Brookeman 1991: 2]. Часто среди основных принципов функционирования отдельного учебного заведения эксплицитно выражается восприятие школы и сообщества студентов как семьи [Brookeman 1991: 3].

В данном объяснении важны два момента:

1. Переосмысливается значимость родителей и старших (учителей, профессоров, администрации и т. д.) как носителей авторитета и позитивных примеров. В ситуации, когда основное время социализации приходится на время учебы, а зачастую это происходит в рамках закрытых школ раздельного типа, то и доминирующую роль в социализации играет теперь группа сверстников. Сидни Финкелстайн, анализируя отношения внутри семьи Гласс в работе «Экзистенциализм и проблема отчуждения

¹ «Throughout the nineteenth and twentieth centuries the dominant role of the family has been steadily supplanted, though not entirely replaced, by a whole range of institutions such as the school, the college, the firm, and the state bureaucracies. These institutions became places where the young future professionals of the middle and upper classes experienced an extended period of training and socialization».

американской литературе», отмечает, что дети скорее обратятся за советом к старшим братьям и сестрам, чем к родителям. Старшее и младшее поколение как бы меняются местами, младшие чувствуют себя гораздо взрослее, развитее своих родителей [Финкелстайн 1967: 242]. Холден не находит примера среди старших в своей жизни: ни среди родителей, ни среди учителей, даже старшего брата Холден не может признать достойным авторитетом.

4. Оценка группы в новой социализации становится особенно важной, а доминирующие в группе правила – конкретными границами функционирования. Принцип индивидуальной свободы личности ограничивается правилами поведения, нарушение правил потенциально может привести к исключению из группы. Таким же «демократичным» источником правил поведения и существования в романе становится медиа: кино, журналы, жизнь известных людей [Miltner 2011]. Демократичным мы называем его как противопоставление вертикальной иерархии передачи ценностей от старшего поколения к младшему. Материалистические ценности общества актуализируются и в качестве источника оценки окружающих людей (в частности, других студентов) с точки зрения внешней трансляции определенного социального и материального статуса. Оценка статуса человека происходит по принципу свой/чужой.

В работе «Pencey Preppy: Culture Codes in The Catcher in the Rye» рассматривается проявление формирующихся принципов общественных отношений в рамках нового типа распределения капитала, новых источников социализации, о чем мы писали выше. Однако в своей статье Кристофер Брукман приводит некоторые аргументы, которые мы не встречали при анализе другой литературы. Далее мы остановимся на контексте именно этой научной работы.

Кроме источников социализации в процессе формирования идентичности американского подростка исследователи отмечали важность способов расслабления, получения удовольствия, словами Холдена: «horsing around». Большинство происходящих на протяжении повествования событий можно охарактеризовать как «ничегонеделание». Холден не занимается чем-то полезным или социально значимым, скорее он перемещается от одного источника отдыха к другому.

В контексте частных школ формируется целая культура расслабления, она становится ритуалом, причем ритуалом общественным. Среди студентов становится принятым собираться вместе, вести беседу – отдыхать разнообразными принятыми в группе способами. Покинув школу, Холден также ищет возможности снова и снова повторять подобный ритуал: он приглашает девушку в кино, они заходят в кафе и т. д [Brookeman 1991: 4-5].

В результате социально-экономических изменений группой, определяющей траекторию социального развития в послевоенной Америке, становится средний и высший экономический класс населения, проживающие в крупных городах. Так, если в индустриальном обществе сфера производства влияет на траекторию развития экономики и культуры, то в постиндустриальном обществе большую экономическую и культурную ценность имеет сфера услуг [Brookeman 1991: 6-7]. Именно таким задается контекст романа.

В культуре постиндустриальной Америки особое внимание уделяется возможности индивида поддерживать беседу, вести переговоры, влиять на мнение собеседника, даже манипулировать. Развитие коммуникативных способностей также происходит в рамках социализации индивида в рамках группы сверстников через ритуалы отдыха [Brookeman 1991: 8]. Навыки коммуникации могут оказать в дальнейшей профессиональной деятельности человека.

Таким образом, коммуникация и ритуал отдыха становятся деятельностью, потенциально ведущей человека к успеху, а, следовательно, требующей

внимания и совершенствования. Данная интерпретация предполагает, что человеку приходится начинать вести подготовку к взрослому образу жизни, к будущей профессиональной деятельности гораздо раньше. Причем необходимые навыки для будущей профессии не конкретизируются, в постиндустриальном обществе потенциально любые навыки можно монетизировать. Социальные институты устанавливают такие правила существования, что способствуют все большему отчуждению людей друг от друга и от самих себя. Общество, задействуя различные источники передачи знаний, внушает определенную идею успеха и в соответствии с ней через социальные институты выстраивает процесс социализации.

На протяжении всего повествования показано внутреннее неприятие этого общества героем. Холден чувствует его деспотичность, поверхностность, лицемерие, но не находит из него выхода. Проблема в том, что Холден прожил 17 лет в этом обществе, он усвоил социальный контекст. И теперь, на пороге его окончательной интеграции как взрослого, он переживает внутренний конфликт.

Роман «Над пропастью во ржи» едва ли является социальным комментарием, ведь Сэлинджер не предлагает пути решения недостатков общества, или способы примирения личности с репрессивными ценностями группы, или способ существования индивида вне рамок общества. Да и возможно ли это?

1.1.2. Роман с точки зрения мифологической традиции

Во многих исследованиях отмечается частичное пересечение мифологической традиции и некоторых областей социологических исследований. В частности – обозначенное в предыдущей главе направление анализа с точки зрения гендерной теории.

Гендерные исследования предлагают критический взгляд на традиционную патриархальную модель общества и, в частности, патриархальные формы религии – такие, как христианство. В данном случае особенно актуальны следующие черты христианства: строгое разграничение маркеров маскулинности и женственности, существование взаимоисключающих категорий в парах бинарных оппозиций, иерархичное устройство общества и т. д. В контексте гендерных исследований рассматриваются скорее негативные последствия для внутреннего мира личности под воздействием патриархальной модели общества, которая признается репрессивной.

В рамках мифологической традиции особенно актуальны следующие категории: процесс поиска, перехода, категория бессознательного, а также архетипичные конструкции, которые предоставляют индивиду доступ к бессознательному. В данной главе мы остановимся на обозначенных категориях.

Для мифа характерна особая фигура основного действующего лица и особая специфика кодирования текста. Как происходящие события, места, действующие лица, так и фигура главного героя должны прочитываться в двух аспектах: буквальном (как конкретный герой и конкретные события) и метафорическом – таким образом, чтобы художественное произведение приобрело характер универсальности.

Религиозные поиски Дж. Д. Сэлинджера отражены в его работах эксплицитно через конфликты в произведениях, основные темы, а также – частично – через саму форму текстов, что дает почву для данного направления исследования. В своих произведениях Сэлинджер показывает, что знаком как с

западной религиозной традицией, так и с традицией Востока. А в одном из рассказов – «Тэдди» – эксплицитно выражает и попытку найти общую почву для функционирования данных философий. Вера в его произведениях эклектична, она вбирает в себя зачастую противоречащие друг другу направления.

В связи с этим существующие исследования в рамках мифопоэтической традиции отражают анализ архетипичных моделей и образов и реже – интерпретацию отдельных религиозных символов. Религиозный дискурс, однако, включен в дискурс мифологический, поэтому мы обозначим некоторые символы романа «Над пропастью во ржи», которые можно охарактеризовать с позиции христианской поэтики:

- время действия романа – дни перед Рождеством, что отсылает к идее перерождения, воскрешения;
- «the Fall» – буквальное падение детей с обрыва, от которого их мечтает уберечь Холден, в самом романе является метафорой. С точки зрения христианской поэтики это было бы метафорой изгнания из Рая. Но, с другой стороны, исследователи называют различные интерпретации данной метафоры: взросление, примирение с «правилами игры» капиталистического общества и т.д.
- поиски авторитетной фигуры прочитываются как поиски Бога.

В работе «The Saint As A Young Man: A Reappraisal Of The Catcher In The Rye» автор называет путешествие Холдена «столкновением со злом», что, видимо, подразумевает существование оппозиции добра и зла в романе, а также в определенный момент обозначает христианские тропы Ада и Чистилища. Он пишет: «Если школа была местом, напоминающим чистилище, то пространство отеля в Нью-Йорке – это ярко проявляющийся Ад»² [Baumbach 2011: 272].

Далее мы приведем анализ романа «Над пропастью во ржи» Джонатана Баумбаха, так как его интерпретация затрагивает многие обозначенные

² «If the world of Holden's school was a muted purgatory, the world of his New York hotel is an insistent Hell».

элементы мифопоэтической поэтики и может быть прочитана не только в христианском контексте.

Холден Колфилд – лишь один из представителей молодых людей определенного поколения, хоть он и наделен несколько большей чувствительностью, он не демонстрирует качеств, которые бы однозначно говорили о его экстраординарности. «Нормальность персонажей Сэлинджера – их основная привлекательность для читателя. Холден Колфилд не лучше и не хуже любого старшеклассника; он лишь лучше работает со словом, более честен в своих оценках, более открыт в выражении своих чувств. Даже несмотря на то, что представители семьи Глассов гениальны, они не полностью растворяются в интеллектуальном, они не дистанцируются от читателя из-за своей гениальности; все персонажи живут в том же мире, что и читатель»³ [Mambrol 2018].

Таким образом, Дж. Д. Сэлинджер развивает одну из основных тем своего творчества – духовный поиск – через фигуру типичного представителя сообщества подростков.

Тем не менее, статья Джонатана Баумбаха предлагает интерпретацию образа Холдена Колфилда как некоего «несостоявшегося святого». Желание Холдена стать «ловцом» детей, спасителем указывает на необходимость устранить внутреннее противоречие, которое ощущает герой. Это внутреннее противоречие в данном случае может быть вызвано страхом перехода из одной фазы жизни в другую. Подростку Холдену предстоит пройти инициацию и стать частью мира взрослых. В таком случае мечта Холдена спасти детей от падения с обрыва становится не манифестацией исключительно бескорыстного желания идеалистичного подростка. Все еще являясь один из тех невинных детей, Холден мечтает о спасении и для себя.

³ “The normality of the characters in Salinger’s stories is a primary attraction for readers. Holden Caulfield is no better or no worse than any young high school boy; he is merely a bit more articulate and honest in his appraisals, more open with his feelings. Even though the Glasses are brilliant, they are not cerebral or distanced from the reader because of their brilliance; and all the characters live in the same world and environment as the readers do».

Мир детей и мир взрослых явно противопоставлены в романе. И пребывая в одном, Холден боится, что теряет доступ к другому. Именно с этим связана некоторая инфантильность Холдена, его внутреннее неприятие аспектов мира взрослых, таких как конфликты, секс, смерть, ответственность и т. д.; мир кажется ему лживым и враждебным, а читатели лишь следуют за повествованием Холдена.

Традиционно обряд инициации происходит под присмотром старших членов сообщества. Трудность в том, что в окружении Холдена нет людей, которые бы стали для молодого человека авторитетом, которые бы поддержали героя в его духовных поисках. Среди персонажей, так или иначе являющихся носителем авторитета, отец Холдена, его старший брат Д. Б., Стрэдлейтер, мистер Спенсер, мистер Антолини – по ходу романа не оправдывают надежды Холдена. В своей статье Дж. Баумбах обозначает процесс поиска «наставника», который будучи частью мира взрослых, не был бы испорчен им. «Истинная цель поисков Холдена на протяжении повествования – поиск духовного отца»⁴ [Baumbach 2011: 267].

Так общество, которое критикует Холден, становится не просто лживым, материалистичным и бессмысленным, но лишенным центра, лишенным ценностей. «Это равно потери Бога. Мир, лишенный хороших отцов (авторитетов), становится разрушающим душу хаосом, в котором выживание возможно только через уход в детство, в фантазию, в психоз»⁵ [Baumbach 2011: 268].

Идея поиска идеала и провал традиционных авторитетных инстанций (церковь, семья, учителя в школе и т. д.) отражает и идеи социологического анализа. Процесс инициации (взроslения) в психоанализе описано как столкновение индивида с бессознательным, в частности, коллективным бессознательным через архетипы. Культ рациональности западной культуры

⁴ «Holden's real quest throughout the novel is for a spiritual father»

⁵ «It is the equivalent of the loss of God. The world, devoid of good fathers (authorities), becomes a soul-destroying chaos in which his survival is possible only through withdrawal into childhood, into fantasy, into psychosis».

проводит почти осязаемую черту проявлениями сознания и бессознательными импульсами, что в свою очередь привело к меньшей значимости духовности, веры и даже религии в формировании личности.

Интересную игру с религиозными концептами в языке романа отмечает Роберт Эванс в работе «Alienation, Materialism, and Religion in J.D. Salinger's *The Catcher in the Rye*». Это проявляется через повсеместное использование ненормативной и слэнговой лексики с религиозными коннотациями (goddam, восклицаний вроде: Christ, for Christ sake и т. д.). Подобное частое употребление лексических единиц с религиозной символикой выполняет 2 функции:

1. Создает контекст, в котором читатель всегда держит в уме идеи Бога, веры, религии, духовности.
2. Лишает эти символы значимости, либо указывает на уже существующие обесценивание этих концептов. «И при этом будничное, непочтительное и зачастую сознательно оскорбительным характер данных отсылок становится напоминанием, что Холден живет в пост-христианской, пост-религиозной среде»⁶ [Evans 2009: 4].

Концепция Бога для Холдена теряет значимость, но интересно то, что мысленно он не перестает обращаться к тем, кого физически уже не способен достичь. Например, к своему погибшему брату Алли. Он молится, чтобы Алли не дал ему исчезнуть.

Парадокс романа в том, что взрослые и дети как бы меняются местами. Глубокую связь (и отчасти спасение) Холден находит в своей младшей сестре Фиби. Сцена осознания неизбежности «падения» происходит после разговора с Фиби, после того, как она выражает намерение сбежать с братом. В мире, который рисует Сэлинджер, дети выступают в качестве духовных наставников. Это объясняет внутреннее противоречие, которое испытывает Холден на

⁶ «Yet the casual, irreverent, and often deliberately insulting nature of these references also reminds us that Holden lives in a post-Christian and postreligious environment».

протяжении всего романа: он должен оставить детскую невинность, чтобы стать «ловцом», но в мире, где роли наставников и иницилируемых больше не наделены теми же символическими функциями, у Холдена нет ориентиров.

Культура, в которой функционируют персонажи Сэлинджера, отражает влияние не только ценностей капитализма, но и патриархата как устойчивой модели существования, что задают крайне репрессивный контекст для развития личности. Что, как показывают западные исследователи, испытывают на себе герои произведений Дж. Д. Сэлинджера.

С этой точки зрения, опыт Холдена можно прочесть как универсальную модель взросления человека во второй половине 20 века, на это указывают и социологические исследования романа.

1.1.3. Психоаналитическая интерпретация романа

В рамках психоаналитической традиции особое внимание уделяется следующим категориям: сознательное и бессознательное, архетипы бессознательного, а также концепция Эго. Некоторые архетипичные категории мы рассмотрели в предыдущей главе: поиск, авторитетная фигура Отца, наставника, процесс взросления героя и т. д.

В данной главе мы подробнее остановимся на проявлениях бессознательного в образе Холдена Колфилда. Культура рациональности признает господствующей категорию сознания и сознательности. Многие new-age направления религии в качестве контрастирующей называют практику осознанности – процесс наблюдения за своими автоматическими реакциями, мыслями с целью осознания масштаба этих автоматических процессов, их источников, чтобы вывести реакции бессознательного, реакции Эго в план сознания. Таким образом, современные практики осознают негативные проявления культа рациональности и предлагают избавление от последствий.

Подавление бессознательного, как показывает теория психоанализа, приводит к развитию неврозов, депрессий и патологий, вносящих нарушение в комфортное течение жизни индивида. Травмы, неудовлетворенность, неразрешенные конфликты не покидают сознание индивида, оседая в его бессознательном.

Очевидная травма, которая не отпускает Холдена – смерть его младшего брата Алли. Травмы наносят вред психике индивида, как бы фиксируя его сознание в том возрасте, в котором он испытал травму. С этой точки зрения может объясняться инфантильность Холдена, как он сам отмечает: «Я иногда веду себя совсем не по возрасту. Мне тогда было шестнадцать, а теперь мне уже семнадцать, но иногда я так держусь, будто мне лет тринадцать, не больше» [Сэлинджер 1983:26].

Подавленные импульсы и травмы часто проявляются в агрессии индивида против себя. Многие исследователи называют путешествие Холдена саморазрушительным. С одной стороны, так Сэлинджер может показывать

отношение общества к отдельной личности [Lomazoff 1996] – на уровне поэтики, и внутреннее принятие индивидом подобного отношения к себе как нормы – на уровне психологии. Таким образом, непроработанная агрессия личности к себе может привести к саморазрушительному, немотивированному логически поведению.

С другой стороны, еще одна категория психоанализа – категория Супер-эго – проявляется через других людей и группы, которые навязывают Холдену определенные правила поведения. Его подсознательный протест и неприятие этих правил также вытекает в импульсивные, внешне немотивированные действия. Постоянная ложь Холдена может быть защитным механизмом, который позволяет сохранить индивидуальность, не вступая в открытый конфликт с обществом. В этом проявляется и амбивалентность позиции Холдена: он не может принять установленные стандарты, но одновременно прикладывает усилия, чтобы не сильно выходить за их границы [Biendima 2018].

Сам стиль повествования романа исследователи называют «олицетворением нестабильного разума Холдена»⁷. [Lomazoff 1996]. Нестабильное тревожное состояние героя вызвано внутренним страхом взросления. В романе противопоставляется мир взрослых, с его принципами агрессивной борьбы, материализмом и лицемерием, и мир детей. Холден постоянно оглядывается в прошлое, где существует детская невинность, где жив Алли, как олицетворение детской чистоты и как противопоставление старшему брату Холдена – Д. Б.

Неприятие естественных изменений проявляется в эскапистских тенденциях поведения Холдена; избегание реальности уводит героя в мир фантазий, где он может быть ловцом во ржи. Как замечает Брайан Джеймс в статье «The Psychological Structure of The Catcher in the Rye», Холден мечтает о состоянии неизменности [Bryan 1974: 1068]. Автор также отмечает, что на мечту героя о сохранении конкретного состояния в тексте указывает его

⁷ «...personifies Holden's unstable state of mind».

интерес к процессу мумификации, к музейным экспозициям, ведь «там все оставалось на местах. Ничто не двигалось. Можно было сто тысяч раз проходить, и всегда эскимос ловил рыбу и двух уже поймал, птицы всегда летели на юг, олени пили воду из ручья, и рога у них были все такие же красивые, а ноги такие же тоненькие, и эта индианка с голой грудью всегда ткала тот же самый ковер. Ничто не менялось» [Сэлинджер 1983: 110].

Еще одна категория психоаналитического анализа – сексуальность. Так как Холден отказывается от любых маркеров мира взрослых, то его сексуальность оказывается в области подавляемого бессознательного. Любое упоминание интимных отношений вызывают у Холдена болезненную реакцию: желание затеять драку со своим соседом по комнате, паника в ситуации потенциальной близости, некоторое осуждение открытой телесности. Тут снова происходит идеализация невинности, например, Холден с теплом вспоминает, как Джейн оставляла дамок в заднем ряду шахматной доски, он помнит о ней невинные и очень конкретные детали.

В самом тексте тема секса периодически соседствует с темой смерти. «Я остался один среди могильных плит. Мне тут нравилось — тихо, спокойно. И вдруг я увидел на стене — догадайтесь, что? Опять похабщина!» [Сэлинджер 1983: 173]. Часто размышления Холдена о смерти стоят рядом с мыслями о его младшей сестре Фиби. Возможно, так проявляется подсознательный страх Холдена, что интимная близость навсегда лишит его доступа к сфере детства, наивности и искренности.

Страх смерти как самой тяжелой формы наказания может также быть причиной дальнейшего подавления Холденом внутренних импульсов. С другой стороны, Холден часто фантазирует о смерти, что, возможно, становится манифестацией его агрессии по отношению к себе. Возможно, подсознательно Холден считает, что заслуживает наказания.

Психологические проблемы часто словно заточают человека в самом себе, отделяют его от общества и делают контакт с другими людьми очень тяжелым. Холден ищет пути связи с миром, но на протяжении романа мы наблюдаем

одну неудачную коммуникацию за другой. Психоаналитический подход предполагает, что работа должна начаться с примирения внутренних разрозненных структур, и только на этой основе возможно выстраивание отношений с окружающим миром.

1.2. Повести и рассказы Дж. Д. Сэлинджера в англо-американской критике

В данной главе мы остановимся на интерпретации сборника «9 рассказов» с точки зрения поэтики коана и на анализе повестей «Фрэнни» и «Зуи», представленной профессором Эми Хангерфорд в рамках открытого курса Йельского университета «The American Novel Since 1945».

Эстетика буддийской поэтики актуализируется во многих научных работах по творчеству Дж. Д. Сэлинджера. Например, в статье «The Ideas of Zen Buddhism in "Teddy" by J. D. Salinger», в статье «Nine Stories: J.D. Salinger's Linked Mysteries» в сборнике под редакцией Гарольда Блума или в работе «On The Catcher In The Rye: An American Koan». Исследователи отмечают, что, хотя метафизические поиски Дж. Д. Сэлинджера ведутся не обязательно на базе одной религии, буддийская проблематика, понятийный аппарат и идеи дзэн-буддизма проявляются в его произведениях особенно ярко. Более эксплицитно буддийская поэтика выражена в рассказах и повестях автора, но, как отмечает Роберт Дьюи, поэтику коана можно применить и к интерпретации романа «Над пропастью во ржи».

Среди основных принципов и категорий дзэн-буддизма исследователи называют: категорию пустоты, наблюдение и покой, медитация, непостоянство, непрекращающееся изменение мира, особое внимание уделяется процессу непосредственного получения опыта, а также категориям бессмысленного, абсурдного. Процесс познания в буддизме очень индивидуален в отличие от христианской традиции, которая превращает момент постижения Истины в потенциальный способ общечеловеческого спасения. Таким образом, в Христианстве истина признается универсальной, а процесс ее осознания – публичным [Dewey 2011: 15]. Буддизм же избегает универсальных категорий и оппозиций. Философия буддизма предполагает, что противоположные идеи и смыслы могут существовать одновременно.

В практике дзэн-буддизма коан – загадка, не имеющая логического разрешения; размышления над ответом такой загадки уведут человека в сторону от принципов конвенциональной логики и рациональности. «Коаны –

это загадки, создающие интеллектуальные тупики, которые обозначают и укрепляют идеи невозможности дать однозначную интерпретацию жизни и несостоятельность обычной бинарной логики, на которой основано наше повседневное мышление»⁸ [Csaba 2006: 2]. Одна из таких загадок служит эпиграфом к сборнику «9 рассказов» Дж. Д. Сэлинджера: «Мы знаем звук хлопка двух ладоней, а как звучит хлопок одной ладони». Таким образом, перед началом прочтения сборника автор задает определенный контекст, определенное настроение.

Так как форма коана предполагает наличие логического парадокса, мы можем предположить, что до определенной степени рассказы в сборнике содержат нестандартную логику на одном или нескольких уровнях. Художественное произведение предполагает определенную структуру: систему персонажей, рассказчика, пространственно-временные отношения внутри текста и т. д. Однако при прочтении «9 рассказов» мы сталкиваемся с неоправданными ожиданиями: сама структура текстов не позволяет применить к анализу традиционные принципы интерпретации. Сэлинджер достигает подобного эффекта путем особой работы с повествованием. Поэтику 9 рассказов мы более подробно разбираем во 2 главе данного исследования в пункте «Повести и рассказы Дж. Д. Сэлинджера в русской критике».

Далее мы обозначим несколько принципов буддийской философии, представленных в статье «The Ideas of Zen Buddhism in "Teddy" by J. D. Salinger», как пример функционирования буддизма в текстах Сэлинджера.

1. Идея иллюзорности существования – вопрос, который интересовал не только восточных философов. При наблюдении за кожурой апельсина, проплывающей мимо окна в каюте, Тэдди предполагает, что эта самая кожа существует, только пока он ее видит. Когда же вещь скрывается из вида и перестает быть объектом

⁸ «Koans are riddles designed to present intellectual impasses which serve to indicate and strengthen the idea of indefinability of life and the elusiveness of conventional binary logic upon which our everyday thinking is based».

воспринимающего сознания, вещь больше не существует. Тэдди перекладывает эту идею и на свое собственное существование. Предметы, явления, люди, таким образом, находятся в состоянии постоянного изменения. Они также существуют сами по себе, вне воспринимающей инстанции, вне зависимости от сознания отдельного индивида. Разум является репрессивной инстанцией, создающей иерархии и приписывающей определенные функции предметам, в буддийской же философии человек становится в один ряд с окружающим миром. Таким образом, Дж. Д. Сэлинджер обозначает следующие принципы: относительность, индивидуальность восприятия.

2. В соответствии с обозначенным выше принципом автор интерпретирует и тот факт, что персонажи рассказов появляются вне своих биографий, вне более широкого контекста. К тому же почти отсутствует их описание и оценка. Многие исследователи отмечают и отсутствие выраженного конфликта в произведениях Дж. Д. Сэлинджера, что может быть также связано с идеей относительности и непостоянства существования. Действие разворачивается и существует только в конкретный момент прочтения.
3. Идея непостоянства и непрекращающихся изменений предполагает отсутствие постоянства, строгой неизменяемой формы. Буддийская философия не принимает идеи существования единой универсальной и неизменной истины, какую бы форму она не принимала. Это, в свою очередь, выражается в отсутствии категории центра, как основной сути явлений и предметов. Так объясняется сущностная природа категории пустоты. В противоположность данной идее, многие персонажи Дж. Д. Сэлинджера стремятся выстроить свою идентичность на базе определенного принципа, идеи, ценности: отсюда самолюбование персонажей, их материализм, привязанность к вещам, эгоизм и т. д. Таким образом, давать оценку персонажу, его

действиям, окружающий предметам – значит привязывать их к определенному центру.

4. Буддийская философия предполагает, что жизнь – это страдания, вызванные желанием. Желанием обладать вещами, другими людьми, желанием испытать определенные эмоции. Но, как мы уже выяснили, все явления окружающего мира непостоянны, их существование относительно. Таким образом, настоящее обладание невозможно, а это в свою очередь приводит человека к разочарованию и страданию. Страдание от невозможности отстраниться от привязанности к материальному, телесному испытывает и герой другого рассказа сборника – Симур Гласс.
5. Язык как продукт сознания также признается репрессивным и ограничивающим. Слова также называют, характеризуют предметы, что, в свою очередь, навязывает определенную логику восприятия.

Стиль повествования Сэлинджера различные исследователи сравнивали с отстраненным повествованием Хемингуэя, но в то же время многие исследователи характеризуют Дж. Д. Сэлинджера как очень вовлеченного в повествование автора. Конечно, голос нарратора в его произведениях часто безличный, но вовлеченность Сэлинджера проявляется в самой организации текста, в тщательной работе со словом. Автор «настолько погружен в текст, как если бы это был его внутренний монолог, в котором движение нарратора к просветлению совпадает с постижением читателем принципов дзэн, предполагающих независимость истины от логики»⁹ [Csaba 2006: 11].

По той же схеме можно читать и роман «Над пропастью во ржи»: эстетически он напоминает загадку, а повествование – процесс постижения героем основных буддийских категорий: мир, находящийся в постоянном изменении, относительность существования, условность восприятия и т. д.

⁹ «...he is so much inside his narrative as if it were an interior monologue in which the narrator's movement towards satori is coincided with the reader's Zen journey to realize that truth is beyond the control of logic».

Конфликт между желанием сохранить то, что знакомо Холдену, и кажущейся ему форсированностью изменений существует лишь в сознании рассказчика. Последняя глава, где Холден рассказывает о событиях после основного повествования, предполагает, что, хоть он и существовал лишь на момент повествуемых событий, покидая сферу сознания читателя, он продолжает существовать.

Интересный подход к анализу повестей «Фрэнни» и «Зуи» предлагает профессор Йельского университета – Эми Хангерфорд. Основное положение ее анализа – эстетическая игра с языком становится ответом религиозных поисков автора. В самом начале повести «Зуи» Бадди Гласс, который является повествователем, ставит вопрос о самой природе его истории. Зуи Гласс называет это метафизической историей, Бадди же утверждает, что это – история о любви. «Я утверждаю, что нынешнее мое подношение – вовсе не мистическая история, не религиозно дурманящая история вообще. Я говорю, что это составная, иначе – множественная любовная история, чистая и сложная» [Сэлинджер 2017: 51].

С одной стороны, в повестях актуализируется тема, общая для всего творчества Дж. Д. Сэлинджера, – тема духовных поисков. С другой стороны, любовь – категория земного, человеческого. Профессор Хангерфорд в своей лекции доказывает, что Дж. Д. Сэлинджер в повестях не разграничивает эти темы, а, наоборот, обнаруживает возможность их взаимного дополнения.

В повестях есть очевидные проявления любви – отношения между членами семьи Гласс построены на искреннем внимании друг к другу – одном из принципов удачной коммуникации. На особую значимость связи между членами семьи Гласс указывает тот факт, что Бадди Гласс, отказываясь провести телефон в своем личном доме, поддерживает активную линию связи внутри общего дома семейства: он продолжает платить за внутренний телефон, несмотря на то, что больше не живет в доме с остальными членами своей семьи. Это одно из проявлений внимания, которое каждый член семьи Гласс выражает по отношению к другому.

Коммуникация, диалог, выражение, слово – предоставляют возможность для установления контакта с другими людьми. Однако Сэлинджер показывает, что подобный контакт не всегда возможен. Например, коммуникация не удается у Фрэнни и ее парня Лейна в самом начале повести «Фрэнни», Фрэнни не может установить контакт с преподавателями в университете – Фрэнни считает их речи поверхностными и напыщенными. Например, во время диалога с Лейном, мы видим, как он любит собственным словом, своим «выступлением». «Лейн же теперь вещал, как человек, который говорит без передышки уже добрую четверть часа и полагает, что нащупал такой темп, когда голос ему больше не изменит» [Сэлинджер 2017: 16]. Он сфокусирован на себе, собеседник для Лейна – лишь пассивный получатель информации. «После запинки с оливкой над столом повисло краткое молчание. Лейн его нарушил – лишь потому, что просто не умел не досказать анекдота» [Сэлинджер 2017: 18].

Повести показывают различные формы бытования слова: напыщенные монологи персонажей, диалоги между членами семьи Гласс, художественные и религиозные тексты, которые упоминает в письме Бадди, мантры, молитва Фрэнни. В противовес идее, что язык как структура разума ограничивает постижение истины и уводит человека все дальше от Бога, в повестях «Фрэнни» и «Зуи» Сэлинджер указывает на возможность существования Бога в слове.

Бадди, описывая их с Симором педагогические притязания, пишет своему младшему брату: «...как образование ни зови – в нем аромат останется все тот же, если не лучше, начнись оно вовсе не с погони за знанием, а с погони за незнанием. Д-р Судзуки где-то утверждает, что пребывать в состоянии чистого сознания – сатори – это быть с богом, пока он еще не сказал: «Да будет свет». Мы с Симором полагали, что будет неплохо утаить этот свет от вас с Фрэнни, а равно и множество световых эффектов пониже и помоднее – изящные искусства, науки, классику, языки, - пока вы оба не сумеете как минимум

постичь такое состояние бытия, когда разуму известен источник всего света» [Сэлинджер 2017: 72].

Свет – то доступное познанию и постижению, что в основе своей имеет божественную волю. Свет, как знание, может существовать и в форме «множества световых эффектов пониже и помоднее», но любое его проявление обладает потенциалом отражать божественное сознание. Таким образом, наука, искусство, разнообразная творческая деятельность признаются манифестацией божественного сознания.

Интересно, что не только слова мыслятся как потенциальная манифестация Бога, но уравниваются и различные формы существования Бога, которые предлагают мировые религии. Религия Сэлинджера эклектична, в своих произведениях он выражает идею, что, какой бы иконе человек ни молился, он молится по сути одному Богу. Потенциальных путей просветления существует множество: «Он говорит, такой чудной, самостоятельной силой обладает любое имя Бога – вообще любое имя» [Сэлинджер 2017: 42].

То, как человек обращается со словом, становится проявлением его понимания божественного. Зуи в разговоре с сестрой утверждает, что к речи нужно подходить осознанно, а именно: понимать контекст высказывания, понимать его источник и адресата. Так, основными принципами работы со словом в повести становятся: интенция и красота. Интенция проявляется как намерение говорящего к пониманию, активному слушанию, что подразумевает определенную долю уважения и любви говорящего по отношению к адресату. На основании этих принципов высказывание, каким бы будничным оно ни было, мыслится эстетичным.

Духовный конфликт Фрэнни приводит ее к решению оставить знакомое ей окружение и сфокусироваться на беспрестанном повторении «Иисусовой молитвы», о которой она прочитала в книге одного русского странника. Она повторяет ее, как мантру, отчаянно желая просветления, отстранения. На ее отчаяние указывает и Зуи, когда говорит, что ее срыв кажется ему очень некрасивым.

Для персонажей повести эстетическая категория красоты становится более важной, чем категории морали, понятие о правильности/неправильности. Например, Зуи совершенно не беспокоит, что мать называет его злым, но он вербально выражает, как некрасиво отчаяние его сестры. По тому же принципу Фрэнни отделяет настоящих поэтов от «людей, которые пишут стихи». «Если ты поэт, ты делаешь что-то красивое. То есть, должен, наверное, *оставить* что-то красивое, когда сойдешь со страницы и все такое. А те, о ком ты говоришь, не оставляют ничего, ничегошеньки красивого. Те, кто чуть получше, может, как-то и забираются как-то тебе в голову и там *что-то* оставляют, – но лишь поэтому, лишь потому, что они умеют оставлять что-то, это ж не обязательно, господи боже, *стихи*» [Сэлинджер 2017: 24].

В одном из диалогов Зуи упрекает сестру в том, что она не понимает Иисуса, а из-за того, что она не осознает, кому молится, ее попытка обрести просветление через повторение молитвы – всего лишь замкнутой на себе акт бессмысленного словоупотребления. Набрасывая на Иисуса личные ожидания, Фрэнни отделяет себя от Бога. Так в повести проявляется неудачная форма работы со словом.

Понимание Иисуса, понимание принципов молитвы – данными советами Зуи конкретизирует абстрактные религиозные идеи, дает очень четкий план действий. К тому же обозначенные принципы работы с религиозным словом Зуи переносит и на план коммуникации между людьми: проявляй внимание к своей аудитории, говори с учетом аудитории.

В результате внутреннего конфликта, Фрэнни решает бросить и университет, и актерскую деятельность – одну из немногих вещей, которая доставляла ей удовольствие. Удовольствие – понятие телесное, то, от чего хочет освободиться Фрэнни, полностью погрузившись в духовное. Подобный конфликт объединяет многих персонажей Сэлинджера: Симор Гласс не смог найти способ примирения сферы метафизики и земного человеческого существования, Холден Колфилд в романе «Над пропастью во ржи» был поглощен поиском путей сосуществования идеалистического и реального и т. д.

Этот конфликт решает Зуи, который говорит сестре, что актерская деятельность для нее и есть форма бытования божественного. Именно заниматься творчеством – ее личный способ почитания Бога, ее личная духовная практика. Отчаянное желание Фрэнни избавиться от земных привязанностей лишь усиливало ее страдание. При этом процесс игры – как раз один из способов забыть на время о своем «Я», перевести внимание с себя на аудиторию.

Творческая деятельность проявляется в повестях по-разному: Фрэнни и Зуи являются актерами, Бадди – писатель, а Симур писал стихи, но также и через непосредственное повествование Сэлинджера.

Профессор Хангерфорд отмечает, что структура повестей во многом отражает эстетические принципы построения пьес: ограниченное пространство действия, условное разделение пространства (шторка в ванной, которая разделяет Зуи и его мать), диалоги как основной двигатель сюжета. Мы также знаем, что основные действующие лица – актеры. Даже в самом повествовании происходит процесс игры, в самом конце, когда Зуи притворяется Бадди в разговоре с сестрой.

На протяжении всего повествования происходит постоянная игра со словом. Но в основе этой игры – внимание автора к аудитории. Возможно, Сэлинджер в ходе своей творческой деятельности приходит к выводу, что один из принципов успешного художественного произведения – активная вовлеченность автора, тщательная работа с контекстом и планом выражения. А если принять идею, что творческая деятельность – одна из форм проявления божественного сознания, то работа с эстетическим словом становится духовной практикой. Причем очень индивидуальной и личной практикой в противовес идее существования универсального пути к просветлению.

В своих повестях Сэлинджер исследует не только условия успешной коммуникации и принципы установления глубокой связи с другим человеком, но и потенциал различных форм творческой деятельности быть выражением духовной работы.

Именно поэтому Бадди утверждает, что его рассказ – это история любви. Любовь лежит в основе истинной связи между людьми, она придает взаимодействию между ними осознанность, придает вес словам, наполняет речь особенным, уникальным смыслом.

Выводы по 1 главе

В данной главе мы ставили перед собой задачу проанализировать наиболее разработанные подходы к анализу произведений Дж. Д. Сэлинджера. Хотя, например, мифопоэтическая интерпретация наиболее представлена в контексте анализа романа «Над пропастью во ржи», отдельные ее наработки можно применить к текстам рассказов и повестей.

В англо-американской критике не существует генеральной для всего творчества Дж. Д. Сэлинджера традиции анализа. Хотя направления исследований и основные разрабатываемые темы зачастую пересекаются, например, путь взросления героя и связанные с этим проблемы подросткового возраста, религиозная проблематика всего комплекса текстов автора, стремление найти общий путь развития философии Запада и Востока и т. д. С другой стороны, англо-американская критика предлагает широкий спектр подходов к анализу, которые в значительной степени обогащают мировую копилку интерпретаций.

Интересно и то, что зачастую американская критика предлагает достаточно специфичный взгляд на анализ художественных произведений. Нам кажется, что некоторые исследования не просто содержат теоретическую информацию. Авторы, раскрывая механизмы работы произведения, словно держат в уме потенциальную возможность дальнейшего применения этих механизмов на практике. Возможно, так выражается культурная особенность работы с информацией.

В англо-американской критике более детально исследованы повествовательные инстанции в работах Дж. Д. Сэлинджера. Так, например, в сборнике под редакцией Гарольда Блума в статье «Nine Stories: J.D. Salinger's Linked Mysteries» при анализе сборника «9 рассказов» автор особое внимание уделяет языку и тому, какие повествовательные инстанции проявляются на том или ином этапе истории.

Во-первых, стиль повествования Дж. Д. Сэлинджера как в романе, так и в рассказах, напоминает разговорный, что, конечно, достигается путем тщательной работы автора со словом.

Во-вторых, еще одна особенность повествования Сэлинджера – его стремление к видимой объективности. Нарратор в его произведениях часто не выражен эксплицитно, зачастую автор не вкладывает в слова своих повествователей оценочные конструкции, которые, так или иначе, указывали бы на активно воспринимающее сознание. В повествовании доминируют глагольные конструкции, а предметы и явления лишь называются; Сэлинджер также активно использует слэнговые конструкции в своих произведениях. Как замечает автор статьи, говоря о рассказе «Хорошо ловится рыбка-бананка»: «Голос нарратора знакомый и простой, он без усилий меняет форму с собственно повествования на передачу двух диалогов персонажей»¹⁰ [Bloom 2008: 94].

В большинстве рассказов повествователь остается неназванным, повествование – безличным и формально объективным. Некоторые рассказы содержат фигуру эксплицитного нарратора, как, например, рассказ «Человек, который смеялся», в котором рассказ ведется от лица одного из мальчиков из Клуба комачей. Причем, он описывает свои переживания с позиции прошедших лет. Таким образом, читатель не может принимать на веру описанные события в силу не только возраста персонажа (ему было 9 лет), но и прошедшего времени с момента событий. Речь ненадежных повествователей продолжает создавать большую загадку для читателя.

Фигура ненадежного повествователя актуальна и для романа, и для повестей. Джозеф Дьюи отмечает, что читатель узнает Холдена исключительно через письменную речь: как нарратор он предлагает крайне ограниченный набор визуальных составляющих своего образа. Он существует полностью в словах [Dewey 2011: 6]. Многие исследователи отмечают, что произведения

¹⁰ «The narrative voice is familiarly conversational, blending effortlessly into two lengthy dialogues».

Дж. Д. Сэлинджера плохо транслируются через визуальный медиум – через кино. Визуальная сторона текстов Сэлинджера специфична: приводя развернутые перечисления предметов и деталей, автор лишает пространство ясности, определенности описания. Актуализируя зачастую неважные для повествования детали и не обращая внимания на широкий контекст, автор как бы разрушает пространство классического повествования.

Как нам кажется, поэтика текстов Дж. Д. Сэлинджера хорошо разработана в русскоязычном сегменте критики, что мы и продемонстрируем во 2 главе данной работы.

2 глава: Творчество Дж. Д. Сэлинджера в русской критике

В своей книге издания 2016 года А. А. Аствацатуров отмечает, что существует немного научной литературы по творчеству Дж. Д. Сэлинджера [Аствацатуров, 2016: 18]. В настоящее время актуальными являются давно признанные и проверенные временем работы И. Л. Галинской, Н. Л. Иткиной. О творчестве Сэлинджера высказывался и В. В. Набоков, а современные критики (А. А. Аствацатуров и О. М. Любимская) в своих работах предлагают развернутый и обоснованный взгляд на поэтику Дж. Д. Сэлинджера в комплексе отдельных аспектов (например, опубликованные работы О. М. Любимской сосредоточены на поэтике молчания, отсутствия, пустоты).

Сложность исследования состоит скорее в том, что любая интерпретация кажется догадкой на том основании, что не была подтверждена самим автором. Как мы видим, Дж. Д. Сэлинджер приложил достаточные усилия в течение жизни, чтобы уберечь и критиков, и читателей от каких-либо ориентиров для интерпретации, что отчасти объясняет отсутствие единого подхода к прочтению его произведений.

В русскоязычном сегменте литературоведения очень небольшое число исследователей ссылается на биографию Дж. Д. Сэлинджера. Утверждения о близости мировоззрения автора и его героев до сих пор остаются в сфере предположений, в то время как влияние жизненных взглядов автора на поэтику его произведений можно вычлениить из текстов.

Во многом творчество Дж. Д. Сэлинджера вписывается в контекст эпохи: он принадлежит послевоенному поколению писателей 20 века, чьи эстетические поиски опирались на философию экзистенциализма с ее основными категориями пустоты и абсурда окружающего мира. Известно также, что 20 век в мировой литературе стал периодом расцвета модернизма, который обозначил начало тенденции пересмотра категорий литературы и литературности в целом. И неудивительно, что многие исследователи называют способ повествования Сэлинджера нелитературным, противоречащим литературным канонам. Эта тенденция отразилась в творчестве многих авторов

после Второй мировой войны, как известно, весь творческий мир пытался ответить на вопрос «Возможна ли поэзия после Освенцима?».

Называть произведения Сэлинджера антилитературными все же не совсем справедливо. Они хоть и построены не по канонам литературного письма, но при анализе оказывается, что Сэлинджер очень аккуратно выстраивает повествование – это достигается путем тщательной работы со словом.

В рамках одной из своих лекций о бит-поколении А. А. Аствацатуров дает характеристику и творчеству Дж. Д. Сэлинджера. Пик творческой активности «битников» приходится на 40-50 годы прошлого века, что дает формального основание назвать Сэлинджера одним из них. И кроме этого существуют некоторые общие черты поэтики Сэлинджера и других представителей бит-поколения, среди которых: интерес к дзэн-буддизму и постижению религиозных идей через творчество; экзистенциальная проблематика произведений; нетрадиционная структура повествования (зачастую сознательный разрыв с устоявшейся навязанной предыдущим поколением традицией); внимание к бессознательному, спонтанному порыву; разочарование в старых ценностях (общество осознало провал европейских ценностей после Второй мировой войны), что привело к отрицанию культуры потребления, корпоративной культуры, системы, в которой человек становится всего лишь легко заменяемой частью механизма; представители бит-поколения часто давали голос маргиналам, аутсайдерам, исследовали табуированные темы в своих произведениях.

Все эти черты, так или иначе, проявляются в произведениях Дж. Д. Сэлинджера, но, как отмечает Андрей Янкус в своем видео-эссе «Аллен Гинзберг обращается к Уолту Уитмену», большую культурную значимость оказал дискурс вокруг бит-поколения, чем их непосредственное творчество. На этом основании Дж. Д. Сэлинджер, стремящийся к уединению, избегавший любой формы публичности, стоит несколько обособленно. Сложно назвать Дж. Д. Сэлинджера в числе людей, активно влияющих на динамику среди основных выразителей философии бит-поколения.

Анализируя работу Т. Л. Морозовой, Галинская пишет: «И если в начале 60-х годов Сэлинджер справедливо был признан нашими литературоведами родоначальником движения битников, то в книге Т. Л. Морозовой находим уже не только указание на сходство Холдена Колфилда с героями написанных позднее произведений битников, но и замечания о существеннейшем различии между персонажами бит-литературы и героями повестей о Глассах, ряда рассказов Сэлинджера. Т. Л. Морозова отмечает и бросающуюся в глаза разницу между сумбурной прозой представителей «разбитого поколения» и четко сбалансированным стилем прозы Сэлинджера, приходя к выводу, что в творчестве писателя существуют две противоречивые тенденции — реалистическая и модернистско-мистическая, каждая из которых попеременно одерживает верх» [Галинская 2015]. Так мы видим, что при некотором сходстве в эстетике, есть и существенные различия в траектории творчества Дж. Д. Сэлинджера и представителей бит-поколения.

По этой же логике, мы не можем однозначно причислить Сэлинджера к определенной традиции, как, например, некоторые советские исследователи ставили его в ряд писателей-реалистов. Отдельные способы прочтения Сэлинджера позволяют выделить в его произведениях некоторые черты романтизма. Однако мы придерживаемся мысли, что Дж. Д. Сэлинджер не оставил достаточно обоснований, чтобы однозначно категоризировать его работы.

Далее нам хотелось бы остановиться на работе: «Философские и эстетические основы поэтики Дж. Д. Сэлинджера» Галинской Ирины Львовны. Во введении и в заключении Ирина Львовна приводит обзор актуальных подходов к исследованию творчества Дж. Д. Сэлинджера среди его современников. Мы считаем излишним пересказывать уже проведенную работу, мы лишь обозначим траекторию исследования, выделенную в названной работе:

1. Ф. Гвинн и Дж. Блотнер «Проза Дж. Д. Сэлинджера» (1958 г.) – работа сочетает несколько подходов к исследованию: формально-структурный, фрейдистский психоанализ.
2. У. Френч «Дж. Д. Сэлинджер» (1961 г.) – «работа выполнена в духе формального анализа произведений писателя, поисков «мифологических моделей», рассмотрения творчества как продукта различных литературных влияний, хотя она и содержит также попытку историко-биографического и социального исследования» [Галинская 2015].
3. Ричард Леттис «Дж. Д. Сэлинджер: ловец во ржи» (1964 г.) – вышло как пособие для учащихся школ и колледжей; автор выстраивает анализ в рамках прагматистского литературоведения.
4. Джеймс Миллер-младший «Дж. Д. Сэлинджер» (1965 г.) – в своей монографии рассматривает творчество Сэлинджера в рамках «социально-психологической прозы»; основной метод исследования – поиск и анализ архетипов и мифологических символов.
5. Доктор философии Нью-Йоркского университета Карлотта Александер – учебное пособие для студентов «Френни», «Зуи» и «Девять рассказов» Сэлинджера (1966 г.) – анализ сочетает «позиции современной экзистенциалистской эстетики, религиозного мистицизма и методологии психоанализа» [Галинская 2015].
6. Литературный критик журнала «Тайм» Генри Гренвальд составил и прокомментировал антологию «Сэлинджер. Критический и персональный портрет» в 1962 г. – в антологию вошло несколько статей и отрывков книг, однако сам автор, как пишет Галинская, причислял Сэлинджера к романтической литературной традиции.
7. Под редакцией М. Лейзера и Н. Фрумэна в 1963 г. выходит антология «Исследования творчества Дж. Д. Сэлинджера. Ревю, эссе и критика "Ловца во ржи" и других произведений» – насчитывает более 35 материалов. Интересно, что авторы предприняли попытку

«проиллюстрировать различные подходы к творчеству Сэлинджера в американском литературоведении» [Галинская 2015].

И. Л. Галинская отмечает еще несколько имен. Таким образом, в монографии «Философские и эстетические основы поэтики Дж. Д. Сэлинджера» мы видим несколько примеров актуальных для второй половины 20 века подходов к исследованию Дж. Д. Сэлинджера. Стоит также заметить, что большинство исследователей применяют к анализу поэтики произведений Сэлинджера философию экзистенциализма.

Вопросы и темы, которые в своем творчестве исследует Сэлинджер, являются экзистенциальными по своей природе – это и проблема отчуждения героя в непонятном и абсурдном мире, и непрекращающийся поиск ответов и смыслов, в котором находятся его персонажи, и идея, что жизнь является игрой с определенным набором правил (эту идею буквально выражает один из персонажей в романе «Над пропастью во ржи»).

Существуют, однако, и прочтения, в которых автор оспаривает однозначное применение эстетики экзистенциализма для интерпретации текстов Дж. Д. Сэлинджера. Так, А. М. Зверев в эссе «Сэлинджер: тоска по неподдельности» пишет: «Возникает значительная трудность: Сэлинджер не принял толкование ответственности, без которого распалась бы вся этическая концепция, исповедуемая и Камю, и Сартром. Он не верит, что в условиях, когда выбор полностью несвободен, сознание ответственности, стоический гуманизм остаются - по крайней мере, должны оставаться - неистребимыми. Для Сэлинджера типичнее случай, когда, сломленный судьбою, человек предает собственную духовную сущность, платя за такое отступничество по жестокому счету» [Зверев 1998].

Другая сторона исследования творчества Сэлинджера в русскоязычной критике – лингвистический и переводоведческий анализ. Особенно это интересно в связи с тем, что с недавнего времени читателям доступен уже не один, а 3 варианта перевода его романа «The catcher in the rye»: Риты Райт-Ковалёвой, Сергея Махова и Максима Немцова. В нашей работе мы не

фокусировались на этом аспекте анализа, но нельзя отрицать, что работы по данному направлению обогащают филологический анализ произведений зарубежной литературы, в частности, Дж. Д. Сэлинджера. Например, работа Д. Д. Сатиной «Структура и содержание художественного концепта game в романе Дж. Д. Сэлинджера "Над пропастью во ржи"» расширяет семантику игры в романе и показывает, как данный концепт работает на разных уровнях смысла: прямой и метафорический.

2.1. Роман «Над пропастью во ржи» в русской критике

На русском языке роман появился только в 60-е годы 20 века в переводе Риты Райт-Ковалевой. Интересно, что одновременно с этим (с 1961 года) в США происходит активное движение с целью ограничения доступа широкой читательской аудитории к роману. Среди причин сторонники движения называли частое употребление ненормативной лексики героями романа, слишком депрессивный и меланхоличный образ главного героя, книгу обвиняли в романтизации маргинального образа жизни и девиантного поведения (употребление алкоголя, насилие и т. д.). К сожалению, репутацию романа в глазах общественности не реабилитировал и тот факт, что роман «Над пропастью во ржи» называют в качестве одного из любимых пугающее число людей, совершивших преступления. В их числе: «Марк Чепмен, убивший в 1980 году Джона Леннона, Джон Хинкли, пытавшийся в 1981 году застрелить президента Рональда Рейгана, и Роберт Джон Бардо, убивший актрису Ребекку Шеффер» [Болотин 2014].

С одной стороны, как отмечает Аствацатуров, русскоязычными читателями роман был принят тепло, так как «нонконформизм сэлинджеровского Холдена как нельзя лучше соответствовал романтически приподнятому настроению, охватившему советскую интеллигенцию в период хрущевской «оттепели» [Аствацатуров 2007]. С другой стороны, советские исследователи особенно обращали внимание на тот факт, что Сэлинджер является наследником реалистической традиции, а его произведения – это социальный комментарий и критика западного образа жизни, что считалось признаком качества художественной литературы.

В ходе исследования мы заметили, что в русскоязычном сегменте литературной критики большее внимание уделяется непосредственному анализу поэтики произведений. Поэтому дальнейшую работу мы хотели бы выстроить в соответствии с логикой анализа романа как художественного текста.

Стиль повествования Дж. Д. Сэлинджера в некоторых работах ставят в один ряд с отстраненным повествованием Хемингуэя. При прочтении сложно не заметить их схожесть: краткость выражения мысли, конкретность, единичность предмета и жеста, суженность панорамы, минимальная доля психологизма, ограниченная информация о контексте: действие начинается как бы с середины, герои отказываются делиться своей биографией – достоверная речь персонажей, близкая к разговорной, доминирование в тексте действий и, соответственно, глагольных форм. В русскоязычных работах мы не нашли опровержения данному сравнению, кроме оговорки, что подобный стиль повествования Сэлинджера скорее вдохновлен поэтикой буддийских текстов.

И, так называемая, «поэтика айсберга» Хемингуэя, и «древнеиндийская» поэтика Сэлинджера предполагают конкретное выражение и более глубокий смысл, подразумеваемый, но скрытый.

Возвращаясь непосредственно к роману, стоит упомянуть, что роман «Над пропастью во ржи» с обозначенными темами поиска смысла и собственной идентичности, а также характерной для американского романа исповедальностью повествования сближают произведение Сэлинджера с «Братьями Карамазовыми» и «Подрустоком» Достоевского. Ольга Михайловна Любимская отмечает, что «общим является главный мотив взросления, через который вытекают другие сходные мотивы: бегства и поисков учителя, одиночества и конфронтации, утерянного рая» [Любимская 2016: 176].

На уровне поэтики Ольга Михайловна отмечает близость категории безмолвия, молчания в текстах Достоевского и Сэлинджера. Потребность в глубокой, осмысленной связи с миром и другими людьми, уважение и чуткое отношение к сакральному, гармония лишь наедине с собой проявляются в сознательном избегании Холденом всякого контакта, разрушающего близость, которую герой находит в молчании. Тишина и безмолвие в романе Сэлинджера имеет то же семантическое наполнение: сакральное, духовное. Стоит заметить, что это лишь один из типов молчания, выделенных в науке, и лишь один из типов молчания, который исследует в своих работах О. М. Любимская.

На близость Холдена Колфилда героям Достоевского указывает Надежда Сергеевна Шалимова в статье «Тип героя в романе Дж. Д. Сэлинджера "Над пропастью во ржи"». Среди общих черт обозначены: болезнь героя, которая выводит его из системы общественных отношений (нестабильность и чувствительность Холдена, а также его физическая травма); «болезненность его восприятия, мнительность, черты, которые, как у героев Достоевского, вызывают жалость и бесконечную симпатию»; «моделирование фантастических иллюзорных ситуаций, выдумывание себя» [Шалимова 2014: 4], тема безумия.

Как отмечают исследователи, влияние поэтики Достоевского на поэтику Сэлинджера слабо изучено. Существует близость тем, общий мотив религиозных поисков, повествование как исповедь, включенность в традицию романа-воспитания, но однозначного подтверждения исследователям Сэлинджер не оставил.

Молчание, провал коммуникации, пауза, жесты, снижение роли слова, его овеществление, осязаемость шума становятся маркерами отчужденности героев от мира и от самих себя, и в поэтике произведений Сэлинджера обозначают ряд основных для творчества автора тем:

1. Это проблема отчуждения. Данная тема является достаточно обширной и включает в себя более конкретные проявления, например: неприятие мира, который рисуется как враждебный и абсурдный; одиночество героев. Отчуждение как одна из основных категорий поэтики Дж. Д. Сэлинджера – область исследования Любимской О. М., которая нам кажется ключевой для интерпретации произведений автора.

2. Внутренний конфликт героя, который чувствует необходимость примирить идеализм с установленными «правилами игры». Это отражается в желании Холдена стать невинных детей ловцом на ржаном поле: Холден осознает фальшь и жестокость мира и хочет уберечь от гибели то невинное и светлое, что видит в детях.

Но интересно, что главный герой романа, хоть и не позиционирует себя как часть той самой группы, которую хочет спасти, но является им. В русскоязычном сегменте критики данная тема развивается скорее в русле протеста героя против мира взрослых. Холден – подросток, стоящий на границе детства и зрелости, он пытается примириться с изменениями, он еще не знает, как реагировать на атрибуты взрослого мира (конфликт, секс, предназначение, место человека в хаосе общества и мира вещей и т. д.), он выстраивает свою идентичность. Возможно, мир взрослых кажется ему лживым лишь потому, что он для Холдена все еще чужой.

Стоит заметить, что повествование в романе ведется от первого лица, что, в соответствии с терминологией В. Шмида, делает Холдена Колфилда ненадежным повествователем. Окружающий мир, другие действующие лица и события романа предстают перед читателем через призму восприятия конкретного персонажа, на чьем образе нас хотелось бы остановиться.

Существует несколько подходов к интерпретации образа Холдена Колфилда в критике:

1. Холден как нонконформист. Холден в рамках данной трактовки становился не просто героем, чутко реагирующим на фальшь, но и активно ее отрицающим. Роман действительно пестрит критикой со стороны Холдена в сторону социума, культуры потребления, поверхностных людей и т. д. «Лидский подмечает также характер бунта Холдена, подчеркивая, что его протест – не классовый, а стихийный, анархичный бунт личности против всего общества. Такого мнения придерживаются многие исследователи, называя протест героя «бунтом одиночки» или «этическим бунтом одаренной личности» [Яшникова 2008: 120]. Интересно, что Холден осознает бессмысленность и безрезультатность своего бунта, а завершение романа, в котором Холден осознает возможность примирения с тем, что когда-то вызывало в нем гнев, ставит под вопрос сам факт бунта.

«В отечественной критике такая точка зрения являлась преобладающей, ее поддерживали Г. Владимов, А. Мулярчик, Е. Книпович, И. Шмарук, Л. Тукузина, А.М. Гаврилюк, Ю.Я. Лидский, Н. Анастасьев, Т.М. Конева, М. Тугушева, В. Биbihин и др.» [Яшникова 2008: 119].

2. Холден как слабая личность, которая в итоге становится жертвой мира, в котором «не способна играть по правилам». Н. В. Яшникова отмечает среди данной группы исследователей С. Белова и Т. Денисову. Белов, например, отмечает важную деталь в поведении Холдена: его неспособность к активному действию, поступку. Зверев А. М. отмечает и тенденцию Холдена к эскапизму: «И деться от этой пошлости некуда, разве что удрать. В кино, в зоосад, в луна-парк, где можно унести в фантастический мир, усадив сестру на деревянную лошадку и наблюдая, как она катается под хлещущим словно из ведра дождем» [Зверев 1998]. Исследователи отмечают несколько вариантов развития конфликта Холдена с реальностью: побег, конфронтация или конформизм. А так как концовка романа остается открытой, а сам автор не дает и намека на возможность или невозможность разрешения намеченных противоречий, то и в критике нет единого мнения.
3. Холден как негативный образ. Существует также трактовка, которая приписывает Холдену все те черты, которые он критикует на страницах романа: он и лентяй, и лжец, и избалованный неуравновешенный подросток, который требует к себе внимания и понимания, ему присущи безответственность, инфантильность и средний интеллект. Среди данной группы Яшникова называет Г. Анджапаридзе и В. Панову.

Все названные трактовки хоть и отражают живое восприятие образа героя, но несколько ограничивают понимание романа. Другую перспективу предлагает А. А. Аствацатуров: он называет Холдена Колфилда «зеркальным

персонажем», в которого конкретный читатель вчитывает собственный опыт и как бы достраивает его образ в своем воображении. Подобный эффект достигается в рамках определенной модели повествования. Повествование ведется от первого лица, Холден обозначает свое отношение к происходящему, критикует, высказывается свое мнение, но в своей оценке он постоянно противоречит сам себе. На прямые вопросы Холден признается, что не знает, что ответить, а рассуждения не приводят его к конкретному выводу, он лишь обозначает зачастую противоположные позиции. «Он не торопится концептуализировать увиденное, открывать в нем какой-то смысл. Холден не проповедует никакой идеологии и категорически отказывается извлекать уроки из реальности» [Аствацатуров 2007: 138]. Проблема в том, что приписать Холдену Колфилду определенную позицию достаточно сложно, ведь он сам избегает любой позиции. Реальность остается неосмысленной, существующей как бы сама по себе, вне связи с рассказчиком.

Интересно то, что отсутствие смыслообразующей категории повествователя противоречит традиционному представлению о структуре художественного произведения. Однако Дж. Д. Сэлинджер уже в самом начале романа предупреждает, что проверенный традиционный подход к прочтению романа может оказаться неэффективным. Так Холден начинает свое повествование: «Если вам на самом деле хочется услышать эту историю, вы, наверно, прежде всего захотите узнать, где я родился, как провел свое дурацкое детство, что делали мои родители до моего рождения, - словом, всю эту давидкопперфилдовскую муть. Но, по правде говоря, мне неохота в этом копать».

Персонаж действует вне своей биографии (хотя впоследствии он дополняет ее рассказами о своем прошлом), реальность продолжает существовать сама по себе, Холден не предпринимает попыток ее концептуализировать, а тем более как-то на нее повлиять – все это создает пространство без единого центра. Если фрагменты не связаны между собой, то читатель может лишь догадываться об их иерархии. «Текст Сэлинджера

уклоняется от однозначности, одновекторности, не позволяя увидеть в себе художественную форму, статичную конструкцию, предполагающую центр; он разбалансирован и динамичен, а также нейтрален по отношению к человеческим ценностям» [Аствацатуров 2007: 140].

Сэлинджер ставит вопрос «Возможно ли в хаотичном и бессмысленном мире найти точку опоры»? И, как ни странно, приходит к выводу, что да. Многие исследователи отмечают, что выходом для Холдена становится связь с другими людьми. Он ищет ее и одновременно всеми средствами избегает, но в итоге те моменты, когда контакт удается установить – через чуткое молчание, открытые жест и полновесную краткость – и есть проблески надежды для Холдена и читателя.

2.2. Повести и рассказы Дж. Д. Сэлинджера в русской критике

В русскоязычном блоке исследований существует несколько особенно интересных трактовок повестей и сборника «9 рассказов» Дж. Д. Сэлинджера – это интерпретация Галинской И. Л., Аствацатурова А. А. и работы Любимской О. М. по анализу поэтики молчания в творчестве Сэлинджера. Перед тем как приступить к описанию обозначенных позиций, мы хотели бы упомянуть об интерпретации, высказанной Ириной Львовной Галинской в работе «Философские и эстетические основы поэтики Дж. Д. Сэлинджера».

Цикл о Глассах, который включает в себя повести и некоторые рассказы, становится центром внимания Сэлинджера в его позднем творчестве. Автор рисует своих героев и отношения между ними в реалистической традиции «сродни реализму Фолкнера» [Галинская 2015], с той лишь оговоркой, что ряд проблем, занимающих большинство членов семейства Гласс, относятся к сфере метафизического.

Одна из тем, которую поднимает повествователь повестей «Фрэнни» и «Зуи», Бадди Гласс, - философские взгляды старших братьев на воспитание. Бадди в письме своему младшему брату пишет: «Мы считали, что будет изумительно конструктивно хотя бы, сообщить вам все, что мы сами знали о людях – святых, архатах, бодхисатвах, дживанмукти, - которые кое-что или все понимали про такое состояние бытия. То есть мы хотели, чтобы вы оба понимали, кем были Иисус, Гаутама, Лао-цзы, Шанкарачарья, Хуэй-нэн и Шри Рамакришна, еще до того, как узнаете слишком много или хоть что-нибудь о Гомере или Шекспире – или даже о Блэйке или Уитмене, не говоря уже о Джордже Вашингтоне и его вишневом деревце, или определении полуострова, или как разбирать предложение» [Сэлинджер 2017: 73-74]. Как отмечает Галинская, повести о Глассах можно прочитать с точки зрения обозначенной модели воспитания, которую через персонажей Симора и Бадди транслирует Сэлинджер: «Исходя из уже опубликованных Сэлинджером произведений о Глассах, можно утверждать, что этот цикл несколько напоминает "роман воспитания" (с тою лишь разницей, что в нем описаны поистине безупречные,

идеальные родственные отношения в семье, лишённые каких бы то ни было серьёзных конфликтов)» [Галинская 2015]. Однако в самом тексте повестей Сэлинджер обозначает провал данной идеи, несостоятельность подобного подхода к воспитанию через образы младших детей семьи Глассов – Фрэнни и Зуи.

Более актуальным в рамках данного исследования нам кажется анализ сборника рассказов Дж. Д. Сэлинджера с точки зрения древнеиндийской поэтики в работах И. Л. Галинской. Представленную ей интерпретацию цитирует значительное число исследователей.

Это прочтение сборника с точки зрения теории девяти основных чувств – раса – в поэтике «дхвани». Среди основных чувств теоретики называют: любовь (или наслаждение), смех (или ирония), сострадание, гнев, мужество, страх, отвращение, откровение, отречение от мира. В соответствии с поэтикой буддийских поэтических произведений, Галинская так определяет основные чувства каждого рассказа в сборнике:

«1. "Хорошо ловится рыбка-бананка". "Главное чувство" этого рассказа — любовь.

2. "Дядюшка Виггили в Коннектикуте". "Главное чувство" — смех, ирония.

3. "Перед самой войной с эскимосами". "Главное чувство" — сострадание.

4. "Человек, который смеялся". "Главное чувство" — гнев.

5. "В ялике". "Главное чувство" — мужество.

6. "Посвящается Эсме". "Главное чувство" — страх.

7. "И эти губы, и глаза зеленые". "Главное чувство" — отвращение.

8. "Голубой период де Домье-Смита". "Главное чувство" — откровение.

9. "Тедди". "Главное чувство" — отречение от мира» [Галинская 2015].

Через символику произведений и отражение этих символов в буддийской философии (как, например, синий цвет в рассказе «Хорошо ловится рыбка-бананка» ассоциируется с синим цветком лотоса, атрибутом бога любви, а бледность человека также говорит о влюбленности) автор показывает не только

соответствие чувства отдельному рассказу, но и их поочередное развертывание в рамках поэтики «дхвани».

Однако, как отмечает Зверев, прямое влияние поэтики основных девяти чувств на творчество Дж. Д. Сэлинджера остается лишь предположением. Если буддийская философия явно увлекали автора, так же как и многих других писателей того поколения, то прочтение «9 рассказов» через теорию основных чувств поэзии – это лишь один из подходов к интерпретации.

То, о чем мы уже упоминали в предыдущей главе, - это важность подтекста для древнеиндийской теории литературы. В соответствии с санскритской поэтикой, текст должен содержать не только план выраженного, но и подразумеваемого смысла, вытекающего из буквального сообщения. «В ней, как и в восточных философских учениях, Сэлинджера привлекает прежде всего ее общечеловеческое содержание, гуманистическая суть, предлагаемая ею возможность обобщать те или иные жизненные явления, анализировать причины человеческих страданий и искать пути избавления от них» [Галинская 2015]. Сэлинджер выстраивает текст так, что индивидуальное переживание, конкретный опыт становятся выражением абстрактного, общечеловеческого смысла.

Помимо факта существования подразумеваемого пласта смысла в произведениях Сэлинджера, также важна для понимания его рассказов такая форма буддийской загадки как «коан». Коан – вопрос-загадка в дзэн-буддизме, предполагающая невозможность логического ее разрешения. Процесс поиска ответов на загадки-коаны вне категорий логики должно вести к постижению состояния «сатори», просветления. Эпиграфом к сборнику «9 рассказов» становится как раз одна из таких загадок: «мы знаем звук хлопка двух ладоней, а как звучит хлопок одной ладони». Сам выбор эпиграфа задает определенный контекст читающему: дает намек и на наличие как буквального, так и подразумеваемого смысла, а также наводит на мысль, что интерпретация посредством логических, традиционных конструктов окажется бесполезной.

Логика предполагает наличие смыслообразующего центра, отношений между действующими лицами, предметами и пространством, логика предполагает существование оппозиций, где отрицается сама возможность одновременного существования противоположных явлений.

Поэтику рассказов Дж. Д. Сэлинджера с точки зрения разрушения стандартной логики повествования рассматривает в своих исследованиях А. А. Аствацатуров. Разрушение логики достигается за счет выстраивания определенного пространственного контекста. Кроме того, что Дж. Д. Сэлинджер в своих произведениях не дает развернутой панорамы, а его герои предстают как бы вырванными из своих биографий, реальность пестрит мелкими деталями. Сэлинджер часто представляет читателю набор деталей картины: форма ногтя героя, точное число гостей отеля, пятнышко на юбке, пыль на окне – предметы и явления появляются в повествовании немотивированными. Такое чередование деталей показывает отсутствие рефлексивной инстанции, отсутствие деспотичного сознания, эстетизирующего пространственный мир и упорядочивающий его.

Автор особое внимание уделяет единичному, уникальному. Он отделяет предмет от персонажа, а также от сознания нарратора. «Сэлинджер на первый взгляд возвращает предмету силу, отнятую у него антропоморфной культурой, в которой он идеологизируется, измеряется человеческими категориями и является слугой, придатком человека» [Аствацатуров 2007: 136].

Вещи не просто предстают вне рефлексии нарратора, они также появляются в непривычных местах и действуют вне привычных человеку функций: бритва в текстах Сэлинджера может оказаться в корзине для белья и ранить героя, а зажженная сигарета обязательно коснется кожи героя. Это задает абсурдную вселенную, где вещи так же не соотносятся с человеком, как и человек не может повлиять на вещь, что в свою очередь создает пространство без глубинных связей, вакуум.

Важно не социальный комментарий об абсурдном и враждебном обществе, а намерение показать мир лишь внешних форм, предметов, заполняющих

пространство. Отсутствие глубины персонажей, недостаток рефлексии способствует созданию мира, в котором пустота несет большую коммуникативную значимость.

В один ряд с обособленными предметами встают и персонажи, и их слова. «Персонаж, увиденный в своей сопричастности вещам, совершенно неотделим от предметного мира. О нем говорится как о предмете среди других предметов, также лишенных глубины. Он - часть обстановки, зрительно воспринимаемой картины, и в его описании присутствуют лишь внешние характеристики» [Аствацатуров 2007: 141]. Внутренняя, познаваемая часть пространства, частью которого предстают предметы, персонажи, а также их взаимодействия (диалоги, жесты) остается скрытой от читателя.

Пространство оказывается наполненным деталями, но ему не хватает перспективы: читатель видит шкаф, наполненный книгами и пыль на подоконнике, но детали существуют вне более широкого контекста (города, дома, времени года и т. д.). Предметы предстают конкретными, но предельно абстрактными. Называя их, Сэлинджер предлагает читателю лишь идеи предметов, деталями они обзаводятся уже в сознании конкретного читателя. Таким образом, мы сами достраиваем картину.

Повествование лишается центра, рефлексивной и интерпретирующей инстанции, а составляющие истории лишь поочередно предстают перед читателем словно немотивированно. Мы не знаем, какой эпизод, какой диалог или персонаж является точкой отсчета, ключом к пониманию смысла.

Продолжая свои рассуждения, Аствацатуров противопоставляет внутренне не обусловленное присутствие и план отсутствия. «Предметы не имеют центра, главного в восприятии читателя. Стало быть, они пребывают в состоянии неопределенности - становления. Тогда важен их переход, чередование на фоне пустоты, что и происходит в рассказах Сэлинджера. Одна вещь в его тексте легко отрывается от гнезда, в котором она пребывала, а гнездо тотчас же заполняется следующей. Место вещи, пустота, бестелесность высвобождаются, и читатель ощущает голос молчания, смысл неприсутствия» [Аствацатуров

2007: 141-142]. Соответственно, само пространство отсутствующих связей между предметами, между предметами и персонажами, а также между персонажами задает мотивы отчуждения, актуальные для всего творчества Дж. Д. Сэлинджера.

Как мы уже отмечали, поэтика отчуждения, отсутствия – одна из основных в работах О. М. Любимской о творчестве Дж. Д. Сэлинджера. Далее нам хотелось бы остановиться на некоторых высказанных ею идеях.

1. Тему овеществления персонажей Ольга Михайловна развивает еще дальше – до овеществления их слов. Молчание, таким образом, приобретает глубину, становится более значимой, чем высказывание. Звук, вещь в произведениях Сэлинджера заменяет собою присутствие человека: гогот, смех, окурки будто существуют сами по себе, скорее выражая отсутствие человека. Часто герои произведений Сэлинджера сознательно выбирают молчание, как, например, Холден, мечтающий притвориться глухонемым и жить в изоляции. «Промолчать, сохранить слово в себе для того, чтобы не дать ему стать еще одним предметом материального мира, - мысль, занимающая сэлинджеровских героев» [Любимская 2018: 3]. Проблема овеществления слова возникает в результате все большего внимания современного Сэлинджеру человека к материальному. Культура потребления создает условия, в которых товар обладает все большей ценностью, а взаимодействия людей выстраиваются по принципу торговли.
2. Одним из приемов формального выражения отсутствия становится пауза. Пауза становится коммуникативной значимой единицей в пространстве доминирующих вещей. «Основная функция сэлинджеровской паузы — дать дополнительную характеристику портрету персонажа, раскрыть его глубокие душевные движения, скрытые намерения, обличить подлинность или мнимость его интереса в диалоге и его соучастнике» [Любимская 2017: 5].

Коммуникация не заканчивается, когда участники перестают говорить, для текстов Сэлинджера важны также и действия, жесты персонажей в ходе диалога. Повествователь не дает оценку тому, насколько включены в процесс коммуникации его собеседники, но через внешние признаки он показывает, состоялся диалог или нет. Среди внешних признаков провала коммуникации Любимская называет: «игнорирование остановки как в речи, так и в невербальной экспрессии, где продолжающийся жест выдает несосредоточенность на предмете разговора» [Любимская 2017: 4].

3. Как уже было отмечено, в поэтике молчания коммуникативной значимым становится также и жест. Жест становится не только маркером состоявшейся или несостоявшейся коммуникации, в большей степени он раскрывает внутренне состояние героев. Через жест, сознательный разрыв коммуникации или внешне необусловленный поступок, движение герои будто выдают внутреннее беспокойство, ярость, смущение и т. д. Так Холден в порыве безмолвного сопротивления разрывает написанное за одноклассника сочинение, а героиня рассказа «Лапа-растяпа» в порыве целует очки своей дочери.

С точки зрения состоявшейся/несостоявшейся коммуникации интересно посмотреть, способствуют ли условия установлению контакта между персонажами, причем контакта, который выделялся бы в пространстве вещей. Возможный ответ дает Аствацатуров. Он отмечает, что в момент, когда персонаж прилагает усилия, чтобы выйти из тюрьмы своего «я», перестает быть поглощен личными переживаниями и обращает свое внимание на другого – в этом случае между людьми устанавливается связь.

Так можно прочитать рассказ «Перед самой войной с эскимосами». Перед читателями разворачивается диалог между двумя персонажами – Джинни и Франклином. Даже при том, что они беседуют, Франклин обращает все свое внимание на порез на руке, Джинни же реагирует на его реплики с

возмущением, с некоторым презрением («Джинни фыркнула»), вызывающе, непонимающе («Джинни не сразу нашла что сказать»). С одной стороны, в этом эпизоде показана поглощенность Франклина собственными проблемами, с другой, эта поглощенность выражена и внешне, через жест, через направление его внимания. Он продолжает разговор с Джинни, но все его действия оказываются вне сферы конкретной коммуникации. И вот, как в рассказе показано изменение направления диалога:

«- Не люблю я, когда щиплет, - признался он.

- *Никто* не любит.

Он кивнул, соглашаясь.

- Да-а... - сказал он.

Джинни с минуту наблюдала за ним.

-Да перестаньте вы его трогать! – вдруг вырвалось у нее.

Селенин брат одернул свою здоровую руку, словно его ударило током. Он даже немного выпрямился - точнее, стал чуть-чуть меньше сутулиться. Он уставился на какой-то предмет в дальнем углу комнаты. Его помятая физиономия приобрела почти мечтательное выражение. Он принялся выковыривать ногтем невинного указательного пальца какую-то застрявшую между передними зубами частичку пищи и обернулся к Джинни.

- Уже завтракала? - спросил он» [Сэлинджер 2015: 58-59].

Поэтика, которая ярко проявляется в рассказах, отражена и в романе, и в повестях. Даже при видимом психологизме историй (Сэлинджер дает некоторые комментарии о чувствах и переживаниях своих героев, в то время как этот аспект полностью отсутствует в рассказах) повествование так же наполнено разобщенными героями, предметами и действиями. В сущности, как в рассказах, так и в повестях Сэлинджер рисует универсальные ситуации, исследует сферу общечеловеческих ценностей. Чтение предполагает активное привлечение личного опыта отдельного читателя и активную интерпретацию.

Выводы по 2 главе

Наиболее ярко поэтика Дж. Д. Сэлинджера выражена в его сборнике «9 рассказов». Скорее всего, этому способствует сама форма рассказа, которая в связи с небольшим объемом является концентрированной, транслирующей идеи. Как замечает Леонид Клейн: «Рассказ преодолевает иллюзию литературы. Никто не делает вид, что это все жизнь» [Клейн 2020]. В то время как случалось, что персонажей романа Сэлинджера и его повестей читатели воспринимали как абсолютно реальных людей, что вытекало в занимательные попытки «воспитывать» Холдена и осуждать его за «неправильную» этику, то рассказ в срезе произведений Дж. Д. Сэлинджера становится пространством творческого поиска.

Как мы уже говорили, поэтика, проанализированная и описанная исследователями в отношении романа, является актуальной и для других произведений автора. В данной главе мы постарались привести наиболее продуктивные и комплексные на наш взгляд интерпретации произведений Дж. Д. Сэлинджера. Но хотелось бы отметить и общую для всего мира традицию интерпретации основных персонажей Сэлинджера как носителей ряда психологических расстройств, неврозов – как сумасшедших.

Как нам кажется, это сильно сужает возможность дальнейшей интерпретации произведений автора. Безумие способствует еще большему отчуждению героев, оно замыкает их в своих собственных переживаниях, что лишает малейшей возможности выстроить связь с миром. Но глубокая связь в поэтике Сэлинджера возможна, к такому выводу приходят многие персонажи его историй. Болезненность и чувствительность героев Сэлинджера не обязательно указывает на их психологические патологии, но и не отрицает подобного прочтения.

Среди так называемых «основных» персонажей произведений Дж. Д. Сэлинджера называют Холдена Колфилда, Симора Гласса и, с некоторой оговоркой, Бадди Гласса. Фигуры Холдена и Симора некоторые исследователи считают автобиографичными с той разницей, что через Холдена автор будто

выражает свое личное неприятие современного ему общества и капиталистических ценностей, а в образе Симора Гласса Сэлинджер выстраивает модель идеального святого в соответствии со своими философскими взглядами. В таком случае, самоубийство Симора становится знаком полной безнадежности и провала личной философии автора.

Ни одной из обозначенных интерпретаций сам Сэлинджер не оставил подтверждений, автобиографичность данных персонажей остается лишь в области предположений.

В противовес обозначенной теории о несостоятельности образа «святого» в лице Симора Гласса, рассказ «Хорошо ловится рыбка-бананка» и, в частности, эпизод с самоубийством Симора можно прочитать и с точки зрения буддийской философии. Если предположить, что притча о рыбе-бананке, которая не может покинуть пещеру в результате бесконтрольного поедания бананов и умирает в ней, является метафорой ярких чувств, свойственных человеку, впечатлений, чужих проекций – всего того, что буддизм считает губительным для души, то можно сделать вывод, что Симор лишь осознал невозможность полного избавления от телесного опыта. Избавление от земных привязанностей и желаний – один из базовых принципов буддизма.

Однако, как мы уже отмечали, децентрализованное пространство произведений Сэлинджера, отрицание конвенциональной логики повествования и потенциального прочтения, а также двойной смысловой план: выраженного и подразумеваемого - предполагает множественность интерпретаций.

Бадди Гласс является повествователем в повестях. В одной из них – «Зуи» – он предстает и как нарратор, и как персонаж. Некоторые исследователи называют Бадди Гласса альтер-эго самого Сэлинджера. Действительно, делая Бадди «автором» повестей, Сэлинджер дает повод отождествлять рассуждения Бадди и свою возможную позицию. Тем притягательнее кажется идея отождествления этих двух инстанций: автора и персонажа – ведь так мало информации Сэлинджер оставил о своей биографии, еще меньше существует комментариев по поводу его творческих поисков.

Русскоязычная критика дает глубокий и всесторонний анализ поэтики Дж. Д. Сэлинджера. Фокус исследований на русском языке в большей степени актуализируется в анализе структуры самого текста, его формы, пространственно-временных связей, соотношений персонажей и т.д. Представленная в данном блоке научная литература дает вполне осязаемый контекст для прочтения и интерпретации произведений Дж. Д. Сэлинджера.

Заключение

В рамках данной работы мы провели анализ критических работ по творчеству Дж. Д. Сэлинджера в русскоязычном и англо-американском актуальном литературоведении. Мы сравнили различные модели восприятия произведений автора в блоках исследований на английском и русском языках.

Были выполнены следующие задачи:

1. Проанализированы современные научные источники по теме работы.
2. Описаны различные подходы к интерпретации произведений Дж. Д. Сэлинджера.
3. Сопоставлены подходы англо-американского и русскоязычного актуального литературоведения, занимающегося аналитикой произведений Дж. Д. Сэлинджера.

Основную сложность для исследования творчества Дж. Д. Сэлинджера представляет практическое отсутствие авторских комментариев о своем творческом поиске, о системе этических выводов, к которым он приходит в ходе творческой работы и т. д. Произведения зачастую лишены выводов, герои Сэлинджера редко приходят к компромиссам. К таким компромиссам, которые бы удовлетворили доминирующую в западном обществе культуру рациональности.

Манера повествования Сэлинджера идет вразрез с требованиями логики. Сэлинджер несколько смягчает свою позицию, как ее видят исследователи, в поздних произведениях – повестях. Большой психологизм повествования, комментарии по поводу отношения героев к происходящему, к предметам и другим персонажам, более широкий контекст действия (герои рассказывают свои биографии, рассуждают о прошлом, делятся своими философскими взглядами и т. д.). Критики реагируют на эти изменения в поэтике неоднозначно, считая, что автор уходит в философствование и учительство.

Круг проблем, обозначенных еще в романе, остается актуальным для всего творчества Дж. Д. Сэлинджера – интерес к метафизике, поиск смысла через

духовные практики. Интересно, однако, что желание героев полностью погрузиться в духовное, отвергнув земное (как, например, стремление Фрэнни Гласс постигнуть истину, посвятив все свое время повторению одной-единственной молитвы), приводит их к кризису, вызывает чувство безысходности. Это способствует еще большему отчуждению героев от мира и самих себя.

Среди основных тем творчества Дж. Д. Сэлинджера исследователи называют следующие:

1. тема отчуждения;
2. проблема поиска смысла;
3. исследование категории пустоты;
4. поиски способов примирения земного и духовного опыта.

Хотя по ряду вопросов интерпретации русскоязычных и англоязычных исследователей сходятся, подходы к анализу текстов Дж. Д. Сэлинджера заметно отличаются.

1. В комплексе исследований на английском языке представлены традиции, слабо или совсем не представленные в комплексе исследований на русском. Среди таких направлений мы выделили: анализ произведений Сэлинджера с точки зрения социологических исследований (портрет Холдена Колфилда как представителя определенного социального класса), психоаналитическое направление, анализ текстов с точки зрения мифологической поэтики. Стоит отметить, что упоминание мифологической и религиозной символики в научных исследованиях мы обнаруживаем как в сегменте англо-американской, так и в сегменте русской литературной критики. Общей тенденцией также является интерпретация текстов с позиций буддийской мифологии.
2. В текстах англо-американских исследований более подробно представлен нарратологический анализ произведений Дж. Д. Сэлинджера, в частности его рассказов. При описании

исследователи так или иначе упоминает позицию повествователя, его надежность/ненадежность, анализ с точки зрения близости голоса нарратора авторской позиции, но в нескольких исследованиях на английском языке авторы большее внимание уделяют повествовательной инстанции в отдельных рассказах, тому, как повествование работает в комплексе, какие функции выполняет.

Хотелось бы особенно отметить, что объем литературы на английском языке гораздо более обширный, чем литературы на русском. Возможно, это связано с тем, что тексты Сэлинджера были доступны англоязычной читательской аудитории на протяжении большего времени, чем русскоязычным читателям, а возможно, и с тем, что Дж. Д. Сэлинджер оказал более значительное влияние на культуру Америки.

Во многом мировая критика, посвященная творчеству Дж. Д. Сэлинджера, развивает сходные темы: проблема взросления героя и связанная с этим тревожность, тему нового человека в нестабильном и меняющемся обществе, образ нового поколения молодежи - в связи с романом, а также более общие темы: отчуждение людей, провал коммуникации, новые пути религиозности. К тому же стиль повествования Сэлинджера единогласно признают активно идущим вразрез с традиционной структурой художественного текста.

В заключение хотелось бы отметить одну из наиболее устойчивых традиций прочтения текстов Сэлинджера: автор пишет одиноких героев, которые ищут пути выхода из своего одиночества. Источники же одиночества отличаются от исследования к исследованию, от одного акта прочтения к другому. Дж. Д. Сэлинджер постарался оставить как можно меньше подсказок для интерпретации, возлагая полную ответственность в поиске ответов на индивидуальный читательский опыт.

Список литературы

1. Аствацатуров А. А. Загадка Сэлинджера (видео) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=F6LvZpGVNW4> (дата обращения: 20.04.2020).
2. Аствацатуров А. А. И не только Сэлинджер: десять опытов прочтения английской и американской литературы / Андрей Аствацатуров. – Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. – 312, [8] с.: цв. ил. – (Уроки чтения).
3. Аствацатуров А. А. О Сэлинджере (видео) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fjZ4m9-KEjQ> (дата обращения: 20.04.2020).
4. Аствацатуров А. А. Феноменология текста: Игра и репрессия URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/astvacaturov-fenomenologiya-teksta/dzh-selindzher.htm> (дата обращения: 22.04.2020).
5. Болотин В. Девять фактов о книге "Над пропастью во ржи" // Российская газета URL: <https://rg.ru/2014/01/27/selinger-site.html> (дата обращения: 29.04.2020).
6. Борисенко А. О. Сэлинджер начинает и выигрывает // Иностранная литература. №7. 2009. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2009/7/selindzher-nachinaet-i-vyigryvaet.html> (дата обращения: 14.09.2019).
7. Волкова Е. Отечественная и зарубежная критика о романе Дж.Д.Сэлинджера "Над пропастью во ржи" URL: http://www.ae-lib.org.ua/salinger/Texts/_Volkova-Criticism.htm (дата обращения: 02.10.2019).
8. Галинская И. Л. Тайнопись Сэлинджера URL: <http://vm.msun.ru/Litsalon/Galinska.htm> (дата обращения: 30.10.2019).
9. Галинская И. Л. Судьба романа Дж. Д. Сэлинджера "Ловец во ржи". Лингвостилистический анализ романа "Ловец во ржи" // Вестник культурологии. 2017. №2 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudba->

- romana-dzh-d-selindzhera-lovets-vo-rzhi-lingvostilisticheskiy-analiz-romana-lovets-vo-rzhi (дата обращения: 04.05.2020).
10. Галинская И. Л.: Философские и эстетические основы поэтики Дж. Д. Сэлинджера. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/galinskaya-osnovy-poetiki-selindzhera/osobennosti-poetiki-povestey-o-glassah.htm> (02.05.2020).
 11. Гольтер И. М. Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» как авторский миф // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XIX междунар. науч.-практ. конф. Часть II. – Новосибирск: СибАК, 2013. URL: <https://sibac.info/conf/philolog/xix/31152> (дата обращения: 22.04.2020).
 12. Зверев А. М. Сэлинджер: Тоска по неподдельности URL: <http://www.philology.ru/literature3/zverev-99a.htm> (дата обращения: 30.04.2020).
 13. Клейн Л. Сэлинджер. Разговор о любви (видео) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FragBqHsviw> (дата обращения: 20.04.2020).
 14. Ковтун Н.В., Ларина М.В. Переосмысление наследия Второй Мировой Войны в австрийской литературе конца XX века // Гуманитарный вектор, 2020. Т. 15 (№ 1). С. 49-60.
 15. Королькова О. Джером Дэвид Сэлинджер: Стеречь ребят над пропастью во ржи (видео) URL: https://www.youtube.com/watch?v=rBl_VcmNMcc (дата обращения: 21.04.2020).
 16. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. – СПб.: Питер, 2018. – 480 с.: ил. – (Серия «Психология. The best»).
 17. Любимская О. М. Невербальные эквиваленты внутренней речи героев в романе «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера // Мировая литература в контексте культуры. 2017. Выпуск 6(12). URL: [http://rfp.psu.ru/archive/2017_6\(12\)worldlit.pdf#page=154](http://rfp.psu.ru/archive/2017_6(12)worldlit.pdf#page=154) (дата обращения: 10.05.2020).

18. Любимская О. М. Пауза как средство невербальной коммуникации в творчестве Дж. Д. Сэлинджера // Филологический класс. 2017. №3 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pauza-kak-sredstvo-neverbalnoy-kommunikatsii-v-tvorchestve-dzh-d-selindzhera> (дата обращения: 10.05.2020).
19. Любимская О. М. Поэтика «высокого безмолвия»: «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера в контексте творчества Ф. М. Достоевского // Мировая литература в контексте культуры. 2016. Выпуск 5 (11) URL: [http://rfp.psu.ru/archive/2016_5\(11\)worldlit.pdf#page=174](http://rfp.psu.ru/archive/2016_5(11)worldlit.pdf#page=174) (дата обращения: 02.05.2020).
20. Любимская О. М. Слово и вещь в системе поэтики молчания Дж. Д. Сэлинджера // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-i-vesch-v-sisteme-poetiki-molchaniya-dzh-d-selindzhera> (дата обращения: 10.05.2020).
21. «Над пропастью во ржи». URL: http://www.sellinger.ru/sellinger_nad/ (дата обращения: 10.10.2019).
22. Петренко Н.А., Плетнева С.В. Отражение философии дзен-буддизма в цикле Дж. Д. Сэлинджера «Девять рассказов» // Слово и текст в свете современных исследований филологических наук: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции – Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. 170 с. URL: <http://scipro.ru/files/2015/11/30.04.16-%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE-%D0%B8-%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82.pdf#page=59> (дата обращения: 10.04.2020).
23. Пумпянский А. Сэлинджер. К столетию вечного подростка / Новая газета № 1 от 9 января 2019. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/01/07/79115-selindzher-k-stoletiyu-vechnogo-podrostka> (дата обращения: 23.03.2020).

24. Рахимова И.Р. Образ главного героя в переводах англоязычного романа «The catcher in the rye» Джерома Дэвида Сэлинджера на русский язык // Актуальные проблемы современной лингвистики глазами молодых ученых: Материалы X Всероссийского научного семинара Ч.1 / отв. ред. Р.А. Газизов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – 304 с. URL: https://bashedu.ru/sites/default/files/uploads/195/sbornik_mol.uch._chast1_23.05.18.pdf#page=205 (дата обращения: 24.03.2020).
25. Резаков Я. О. Мотив джаза как социокультурный феномен в произведениях Дж. Сэлинджера и В. Аксенова // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. Т. 29, вып. 2. 2019. URL: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/4181/4018> (дата обращения: 05.05.2020).
26. Салов А. Другой Сэлинджер (видео) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vszHAFsyrzM> (дата обращения: 20.04.2020).
27. Сатина Д.Д. Структура и содержание художественного концепта game в романе Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Вестник ВятГУ. 2017. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-soderzhanie-hudozhestvennogo-kontsept-a-game-v-romane-dzh-d-selindzhera-nad-propastyu-vo-rzhi> (дата обращения: 05.05.2020).
28. Сергиенко И. В. В. Набоков о художественных особенностях новеллы Дж. Д. Сэлинджера «Хорошо ловится рыбка-бананка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/46.html> (дата обращения: 22.04.2020).
29. Сдобнов С. Эксцентричный, вспыльчивый и чудесный дядя. Писатели о Сэлинджере / Горький Медиа. 7 декабря 2017. URL: <https://gorky.media/context/ekstsentrichnyj-vspylchivyj-i-chudesnyj-dyadya/> (дата обращения: 23.03.2020).

30. Тихий бунтарь: к 100-летию со дня рождения писателя Джерома Сэлинджера: дайджест / МУ МИБС, Центральная городская библиотека, ИБО ; [сост. С. В. Смирнова]. – Волжский, 2018. – 40 с. (дата обращения: 22.04.2020).
31. Сэлинджер Дж. Д. Девять рассказов / Джером Д. Сэлинджер. – М. : Эксмо, 2015. – 256 с.
32. Сэлинджер Дж. Д. Над пропастью во ржи; Повести; Девять рассказов. Пер. с англ. / Сост. и вступит, статья А. Мулярчика. — М.: Худож. лит., 1983. 592 с.
33. Сэлинджер Дж. Д. Фрэнни и Зуи / Дж. Д. Сэлинджер ; [пер. с англ. М. В. Немцова]. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 224 с.
34. Финкелстайн, С. Экзистенциализм и проблема отчуждения в американской литературе / Сидни Финкелстайн. – М. : Издательство «Прогресс», 1967. – 321 с.
35. Шалимова Н. С. Тип героя в романе Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №12-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tip-gerooya-v-romane-dzh-d-selindzhera-nad-propastyu-vo-rzhi> (дата обращения: 24.03.2020).
36. Щёчина Е. О. «Поэтика айсберга»: стилистические особенности малой прозы А. П. Чехова, Э. Хемингуэя и Дж. Д. Сэлинджера // Вестник магистратуры. 2014. № 6(33). Том I. URL: http://www.magisterjournal.ru/docs/VM33_1.pdf#page=106 (дата обращения: 04.05.2020).
37. Яшникова Н. В. Своеобразие главного героя романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Вопросы духовной культуры – Филологические науки. – 119-123 с. URL: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/25031/31-Yashnikova.pdf?sequence=1> (дата обращения: 04.05.2020).

38. Baumbach, J. The Saint As A Young Man: A Reappraisal Of The Catcher In The Rye. *Critical Insights: The Catcher In The Rye* (2011): 265-278.
39. Bezci, S. Youth in crisis: An Eriksonian interpretation of adolescent identity in «Franny». *Novitas-ROYAL*, vol. 2 (1). 2008: 1-12.
40. Biendima, L. J. D Salinger's The Catcher in the Rye: a literary analysis and criticism. *Medium* (September 2018). URL: <https://medium.com/@girlgotnoidentity/j-d-salingers-the-catcher-in-the-rye-a-literary-analysis-and-criticism-45a4213dd5c2> (дата обращения: 04.05.2020).
41. Bloom's Modern Critical Views: J.D. Salinger, New Edition / edited with an introduction by Harold Bloom. – Infobase Publishing, 2008.
42. Brookeman, C. Pencey Preppy: Culture Codes in The Catcher in the Rye. *New Essays on The Catcher in the Rye*. New York: Cambridge, 1991.
43. Bryan, J. The Psychological Structure of The Catcher in the Rye. *PMLA*, vol. 89, no. 5 (1974): 1065–1074.
44. Castronovo, D. Holden Caulfield's Legacy. *Critical Insights: The Catcher In The Rye* (2011): 141-151.
45. Chen, L. An Analysis of the Adolescent Problems in The Catcher in the Rye. *Asian Social Science*, vol. 5, no. 5 (May 2009): 143-146.
46. Costello, D. Salinger & His Critics. *Autopsy of a Faded Romance*. *Commonweal* (January 2010). URL: <https://www.commonwealmagazine.org/salinger-his-critics> (дата обращения: 04.05.2020).
47. Csaba, C. - The Ideas of Zen Buddhism in “Teddy” by J. D. Salinger. Budapest: ELTE, 2006.
48. Dewey, J. On The Catcher In The Rye: An American Koan. *Critical Insights: The Catcher In The Rye* (2011): 3-17.
49. Evans, C. Alienation, Materialism, and Religion in J.D. Salinger's The Catcher in the Rye. *Bloom's Literary Themes: Alienation*, Chelsea House, 2009. *Bloom's Literature*. URL:

- https://rbchs.libguides.com/ld.php?content_id=36409462 (дата обращения: 12.05.2020).
50. Filipelli, C. The Pleasantly Problematic Nature of J.D. Salinger's Glass Family Stories. UNLV Theses, Dissertations, Professional Papers, and Capstones (2015). URL: <https://digitalscholarship.unlv.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3351&context=thesesdissertations> (дата обращения: 12.05.2020).
51. Hungerford, A. J. D. Salinger, Franny and Zooey (видео). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=toq15jGSDBU> (дата обращения: 20.04.2020).
52. Kheirkhah, S, Pishkar, K. Salinger's Alien and Lonely Characters in American Literature. Journal of Applied Linguistics and Language Research vol. 5, issue 5 (2018): 234-247
53. Lawrence, E. Salvation and Rebirth in The Catcher in the Rye and The Bell Jar. The Oswald Review vol. 1 issue 1, Article 10 (1999): 50-63.
54. Lomazoff, E. The Praises and Criticisms of J.D. Salinger's The Catcher in the Rye (1996). Bohemian Ink. URL: <http://www.levity.com/corduroy/salinger1.htm> (дата обращения: 04.05.2020).
55. Mambrol, N. Analysis of J. D. Salinger's The Catcher in the Rye. Literary Theory and Criticism (June 2018). URL: <https://literariness.org/2018/06/17/analysis-of-j-d-salingers-the-catcher-in-the-rye/> (дата обращения: 05.05.2020).
56. McGrath, C. J. D. Salinger, Literary Recluse, Dies at 91. The New York Times (January 2010). URL: <https://www.nytimes.com/2010/01/29/books/29salinger.html> (дата обращения: 04.05.2020).
57. Miltner, R. Catching Holden Through A Cultural Studies Lens. Critical Insights: The Catcher In The Rye (2011): 33-48.
58. Mizruchi, S. The School of Martyrdom: Culture and Class in Catcher in the Rye. Religion and Literature 47.2 (Summer 2015): 23-40.

59. Pettineo, J. Cruelty in *The Catcher in the Rye*. *Encyclopedia of Themes in Literature*, 3-Volume Set, Facts On File, 2010. Bloom's Literature. URL: https://rbchs.libguides.com/ld.php?content_id=36416915 (дата обращения: 12.05.2020).
60. Pettineo, J. Innocence and Experience in *The Catcher in the Rye*. *Encyclopedia of Themes in Literature*, 3-Volume Set, Facts On File, 2010. Bloom's Literature. URL: https://rbchs.libguides.com/ld.php?content_id=36416961 (дата обращения: 12.05.2020).
61. Pettineo, J. Isolation in *The Catcher in the Rye*. *Encyclopedia of Themes in Literature*, 3-Volume Set, Facts On File, 2010. Bloom's Literature. URL: https://rbchs.libguides.com/ld.php?content_id=36416970 (дата обращения: 12.05.2020).
62. Puchalik, R. Disaffection As A Self-Protecting Mechanism. *Literary Theme: Disaffection As A Self-Protecting Mechanism* (2006): 1-3.
63. Spratley, W. The Promise: A Mythic-Archetypal and Gender-Oriented Analysis of J.D. Salinger's "A Perfect Day for Bananafish". *VCU Scholars Compass* (2013). URL: <https://scholarscompass.vcu.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.ru/&httpsredir=1&article=4240&context=etd> (дата обращения: 20.05.2020).

Приложение: Разработка элективного курса по изучению творчества

Дж. Д. Сэлинджера в старших классах

Пояснительная записка

Место курса в образовательном процессе:

Как нам кажется, более продуктивно изучать курс «Творчество Дж. Д. Сэлинджера в восприятии литературной критики» в рамках более широкого элективного курса по зарубежной литературе. В связи с этим, занятия по актуальному материалу рассчитаны на 4-6 часов. Изучение зарубежной литературы в рамках нашего элективного курса задумывается с большим упором на практическую и коммуникативную составляющую. Курс предназначен для учащихся 10-11 классов.

Цели курса:

1. Развитие читательской компетенции обучающихся.
2. Развитие коммуникативной компетенции, в частности навыков устной дискуссии, публичных выступлений.
3. Расширение кругозора обучающихся, так как изучение зарубежной литературы обладает значительным потенциалом для углубления знаний по смежным дисциплинам (например, иностранный язык, история и т.д.).
4. Развитие познавательного интереса, интеллектуальных и творческих способностей.
5. Курс также дает пространство для личностного развития обучающихся, таких общечеловеческих качеств, как: толерантность, навыки активного слушания. Всестороннему развитию личности также способствует потенциальное знакомство обучающихся с различными культурами, образом мыслей человека другой эпохи, другого типа ментальности и т.д.

Все **формы работы** можно разделить на 3 группы:

1. Групповая работа:
 - дискуссия;

- публичное выступление;
 - семинар.
2. Индивидуальная творческая работа:
 - интерпретация выбранного отрывка произведения;
 - творческая работа на основе выбранного отрывка текста в рамках урока;
 - творческая работа по теме: «Социальные сети Холдена Колфилда» (свободная форма выполнения).
 3. Самостоятельная работа:
 - изучение предложенных источников;
 - подготовка коротких докладов (по желанию).

Контроль результатов освоения курса производится по окончании курса в ходе анализа активности обучающихся в течение работы. Планируемая форма финальной аттестации – тест с открытыми ответами.

Список рекомендованной литературы:

1. Аствацатуров А. А. И не только Сэлинджер: десять опытов прочтения английской и американской литературы / Андрей Аствацатуров. – Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. – 312, [8] с.: цв. ил. – (Уроки чтения).
2. Любимская О. М. Пауза как средство невербальной коммуникации в творчестве Дж. Д. Сэлинджера // Филологический класс. 2017. №3 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pauza-kak-sredstvo-verbalnoy-kommunikatsii-v-tvorchestve-dzh-d-selindzhera> (дата обращения: 10.05.2020).
3. Любимская О. М. Слово и вещь в системе поэтики молчания Дж. Д. Сэлинджера // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-i-vesch-v-sisteme-poetiki-molchaniya-dzh-d-selindzhera> (дата обращения: 10.05.2020).

4. Сдобнов С. Экцентричный, вспыльчивый и чудесный дядя. Писатели о Сэлинджере / Горький Медиа. 7 декабря 2017. URL: <https://gorky.media/context/ekstsentrichnyj-vspylchivyj-i-chudesnyj-dyadya/> (дата обращения: 23.03.2020).

5. Сэлинджер Дж. Д. Девять рассказов

6. Сэлинджер Дж. Д. Над пропастью во ржи

В рамках обозначенной темы мы также планируем провести научный семинар по теме «Влияние творчества Дж. Д. Сэлинджера на американскую и русскую культуру». В рамках семинара предполагается более детальное знакомство с культурой Америки 40-60-х годов, сравнение с общественной динамикой того же периода в России (Советском союзе) а также обсуждение качества влияния романа «Над пропастью во ржи» на становление культуры разных стран. Основными формами работы на семинаре предполагаются: доклад и беседа.

В процессе подготовки материалов для создания данного блока элективного курса по изучению зарубежной литературы в школе мы пользовались научной литературой как на русском, так и на английском языке. Так как материалы русскоязычных исследователей кажутся нам обладающими достаточным потенциалом для удовлетворения читательских потребностей обучающихся, в списке рекомендованной литературы мы ограничиваемся только этими авторами.

Однако при подготовке материалов для лекций и заданий для обсуждений и самостоятельной работы мы активно пользовались наработками зарубежных исследователей. В частности мы посчитали актуальными работы, в которых представлен социологический контекст романа (и повестей), а также интерпретации «9 рассказов» с точки зрения поэтики коана. Среди них мы выделили:

1. Brookeman, C. Pencey Preppy: Culture Codes in The Catcher in the Rye. New Essays on The Catcher in the Rye. New York: Cambridge, 1991.

2. Csaba, C. - The Ideas of Zen Buddhism in “Teddy” by J. D. Salinger. Budapest: ELTE, 2006.
3. Hungerford, A. J. D. Salinger, Franny and Zooey (видео).

Приоритетной в работе мы считаем цель повышения уровня читательской компетенции, а также коммуникативной компетенции, что нашло отражение в выбранных формах работы. Мы уделяем особое внимание беседе и обсуждению, а также форме письменной творческой работы.

В рамках элективного курса по изучению зарубежной литературы есть возможность не только создавать пространство для устной коммуникации, но и развивать творческие способности обучающихся. Уроки литературы в школе обладают значительным потенциалом для развития навыков вербальной коммуникации, что в идеале должно способствовать улучшению следующих навыков:

- формулировать мысли и подбирать аргументы адекватно поставленной задаче;
- формулировать личное мнение;
- ориентироваться в контексте различных форм устной и письменной работы (обсуждения, дискуссии, доклада и т. д.);
- давать и принимать критику;
- задавать вопросы;
- осознавать собственные внутренние потребности и оценивать, реализуются ли они в рамках урока;
- осознавать личное отношение к обозначенным в процессе работы проблемам.

Особое внимание в рамках изучения творчества Дж. Д. Сэлинджера в старших классах мы планируем уделять поэтике текстов, а также динамике общественной мысли, отраженной в романе.

Пример конспекта урока

Тема: Знакомство с Дж. Д. Сэлинджером и его героями (2 ч.)

Тип урока: урок ознакомления с новым материалом

Предполагается, что к первому уроку обучающиеся не знакомы с творческим Дж. Д. Сэлинджера. Основная **форма работы** на данном занятии – беседа. Вспомогательная **форма** – лекция.

Цель: познакомить обучающихся с особенностями произведений Дж. Д. Сэлинджера, сформировать определенный контекст.

Задачи урока:

- сформировать у обучающихся представление о контексте, в котором работал Дж. Д. Сэлинджер;
- синтезировать уже имеющиеся знания о творчестве Дж. Д. Сэлинджера, его личности и поэтике его произведений;
- познакомить обучающихся со спецификой творческого метода Дж. Д. Сэлинджера;
- по возможности сформировать личное отношение обучающихся к темам произведений Дж. Д. Сэлинджера.

Оборудование: компьютер, проектор, интерактивная доска.

Ход урока

1. Организационный момент

На данном этапе мы хотим определить объем знаний обучающихся. Знают ли они что-то о биографии Дж. Д. Сэлинджера? Читали ли какие-нибудь его произведения? Смотрели ли фильм о жизни Дж. Д. Сэлинджера? И т.д.

2. Основная часть включает в себя несколько этапов:

- краткая биография автора (годы жизни, происхождение, учеба, служба в армии, затворничество, увлечение дзен-буддизмом);
- интерпретация отрывка из рассказа «Хорошо ловится рыба-бананка» (история Симора Гласса о рыбке-бананке), которая предполагает самостоятельное активное чтение выбранного отрывка и последующую беседу;

- короткая лекция о специфике поколения 40-60 гг., которая перетекает в задание: составить образ молодого человека послевоенного времени. Для этого задания может понадобиться доска с мелом или интерактивная доска, чтобы нарисовать этот собирательный образ;

- вопрос для обсуждения: ожидаете ли вы, что Холден Колфилд будет соответствовать или, напротив, противоречить образу молодого человека, которого мы обсудили на предыдущем этапе.

3. Заключительный этап включает:

- задание на дом: прочитать роман «Над пропастью во ржи», ознакомиться с предложенной научной литературой;

- короткое обсуждение: что вы ожидаете от романа?